

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 11

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНД А.

18+

Данияр Сугралинов
Фонд А.
Двадцать два
несчастья. Книга 11

*<https://litres.ru/74643923>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Как гласит пословица, всем сестрам по серьгам. Вот и доктор Епиходов решил, что пора бы уже закрыть старые долги: поощрить друзей и наказать врагов. Никто не должен остаться обделенным, даже Ачиков.

Вот только что из этого в результате выйдет — спрогнозировать сложно. А Система словно взбесилась: подкидывает и подкидывает загадки.

И да, с сожравшими Vasorelaxin-X мужиками тоже нужно что-то решать, и срочно!

Примечания автора:

Все описанные в книге медицинские ситуации, действия персонажей, комментарии о здоровье, питании и образе жизни представлены исключительно в художественных целях. Они не являются врачебными рекомендациями, не предназначены для самостоятельной диагностики или лечения и не заменяют консультацию квалифицированного специалиста.

Перед применением любых методов, описанных в тексте, необходимо обращаться к врачу.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Фонд А.

Двадцать два несчастья. Книга 11

Глава 1

Вечер не то чтобы совсем уж испортился, но такого приподнятого настроения, как поначалу, больше не было. Однако обещания нужно выполнять, так что я натянуто улыбнулся и предложил:

— Ну что, Марин, выдвигаемся в ресторан?

— Сережа, ты только не обижайся, — потупившись, сказала она, — но я что-то расхотела. Вижу, что ты мыслями не со мной, да и Лысоткин этот гадский тебе тоже сильно настроение испортил. Да и я утомилась, может, шампанское так действует... — Она зевнула. — Давай в другой раз?

Я задумчиво взглянул на нее и предложил:

— Хорошо, тогда поступим так. Отвезу тебя в общежитие, а насчет ресторана мы с тобой договоримся попозже. Идет?

— Идет! — просияла Марина, а потом, немножко помявшись, все-таки не выдержала и спросила: — Сережа, слушай, я тут немного твой разговор телефонный подслушала. О чем

речь, если не секрет? Ты опять во что-то влез?

— Да нет никакого секрета, от тебя уж точно. Видишь ли, я хотел на грант подать заявку по новой методике, которую давно еще придумал. Мы ее начинали еще с академиком Епиходовым. Но это больше мои исследования, чем его, он мной руководил и примерно указывал направление, а дальше я сам. Потом он умер, а я продолжил. Часть результатов были вложены в патенты Епиходова. И когда надо было в подтверждение привести патенты, я, как-то даже и не подумав, перечислил те, которые академик Епиходов зарегистрировал на свое имя, они же по тематике как раз подходят. А из Сколково хотят, чтобы мои сольные были. С Марусей Епиходовой мы подали на еще один патент, но он пока находится на согласовании в Роспатенте, поэтому что-то конкретное я для гранта предоставить не могу и что теперь делать не знаю. Три дня у меня, иначе откажут.

— А, ну так это они просто выясняют обстоятельства, — выдохнула Носик. — А я уж подумала...

Я понял, о чем она подумала. После того как ей пришлось по моей просьбе выкрасть часть доклада прямо перед конференцией, она решила, что я не гнушаюсь подобными методами, а значит, и сейчас что-то подобное возможно. Но когда я все пояснил, Марина вздохнула с явственным облегчением, после чего немного подумала и сказала:

— Сережа, ты вот что сделай. Позвони, во-первых, этой Марусе. Пусть она, как соавтор патента, даст согласие. Это

такой документ о разделении вклада между соавторами в свободной форме. А во-вторых, попроси у нее справку о смерти академика Епиходова, а также возьми справку из отдела аспирантуры, что являешься аспирантом Терновского и представляешь школу покойного академика.

— Думаешь, прокатит? — спросил я.

— Ну а у тебя разве еще какие-то варианты есть? — скептически посмотрела она на меня.

И я порадовался, что не отмахнулся от Марины и пошел с ней в театр. Девчушка-то эмоциональная, порой взбалмошная, но как специалист — крепкая. Не зря ее Харитонов поставил на профсоюз: там абы кого не выбирают.

— Марин, спасибо тебе огромное, — с благодарной улыбкой сказал я. — Без тебя я бы сейчас точно наделал глупостей.

— Да чего там, — смущенно улыбнулась Марина. — Свои же. Но ты все-таки должен мне ресторан.

— Любой на твой выбор, — сказал я. — Только я сейчас уеду обратно в Морки, там у меня кое-какие дела, да и в Казани куча всего накопилось. А вот когда вернусь в Москву после Нового года, мы с тобой и в ресторан сходим, и еще что-нибудь интересное придумаем...

— Интересное? — подняла бровь Носик.

Пока она не надумала черт знает что, я ляпнул первое, что взбрело в голову:

— Как насчет того, чтобы покататься в аэродинамической

трубе? В ней можно испытать ощущение свободного падения и невесомости, представляешь?

Честно говоря, еще в прошлой жизни, будучи старичком Епиходовым, я жутко хотел полетать в этой трубе, но мешал возраст, кости стали хрупкие, и как-то не рискнул. Сейчас же судьба подарила мне молодое тело. Я здоровый, крепкий лоб. Так почему бы не попробовать? Зачем ждать старости?

— В трубе? — с радостным недоверием вытаращилась на меня Марина.

— Так ты хотела бы? — спросил я.

— Ага, очень, — смущенно кивнула она.

— Вот и договорились. Значит, когда я в следующий раз приеду, у нас обязательно будет аэродинамическая труба, а затем ресторан, потому что наоборот, мне кажется, будет чревато и может случиться конфуз.

Марина снова весело засмеялась, и я порадовался, что возникший было ледок отчуждения исчез.

Затем я отвез девушку в общежитие, а сам еще из такси позвонил Марусе, предварительно спросив сообщением, можем ли мы поговорить, потому что время шло к полуночи.

Коротко передав ей суть разговора, я попросил, во-первых, расписку о том, что она не претендует на часть работы по нашему патенту, а во-вторых, копию справки о смерти Епиходова.

— Зачем тебе? — поинтересовалась Маруся.

— Да вот хочу на одну из методик грант попробовать по-

лучить. А для доказательств нужно научный задел предоставить. Я привел патенты и работы твоего отца, а также те работы, которые мы начинали вместе, но там просят доказательства именно моего вклада. Поэтому нужно обоснование, почему работу академика Епиходова по этому направлению теперь буду продолжать я.

— А что за работа? — заинтересованно сказала Маруся.
— Я тоже хочу.

— Это система нейростимуляции для лечения фармако-резистентной эпилепсии, — признался я. — Если хочешь, можешь потом принять участие, но я тебе честно скажу: мне просто нужно получить этот грант, чтобы было чем выдать зарплату работникам в санатории. Ты же сама видела, как они пашут и в каких условиях живут. — Я не стал говорить об инвестициях Михалыча и Алисы Олеговны, потому что формально свои доли в ООО они еще не получили, так что ответственность за сотрудников была полностью на мне. — За этот месяц никто из них еще ни копейки не получил. А ведь Новый год на носу. Во-вторых, ремонт. Если хочешь, конечно, присоединяйся. Только на безоплатной основе. Я с удовольствием тебя возьму, но, если получу хоть небольшой транш, мне сначала нужно выдать людям зарплату, а уже какие-то платные публикации или командировки — только после того как заработает санаторий.

— Ух! — сказала Маруся и задорно рассмеялась. — Тогда я не хочу. Ладно, Сережа, давай я присоединюсь, когда

у тебя уже санаторий нормально заработает. И ты же грант не на один год берешь, вот потом привлечешь меня по договору на следующий год или еще через год, и мы обязательно куда-нибудь поедем.

— Идет, — порадовался я широкой душе и сговорчивости дочери.

Мы еще обсудили те документы, которые Марусе нужно подготовить, и я понял, что нужно задержаться в Москве на день точно. Ведь завтра придется поехать в институт и взять справку о том, что я являюсь аспирантом Терновского и представляю научную школу академика Епиходова.

Затем я позвонил Караяннису и попросил, чтобы он мне скинул тот пакет документов, что мы направили в Роспатент.

— А зачем тебе? — с подозрением спросил юрист.

— Да в аспирантуре требуют, — отбрехался я, не став углубляться в тему. А то Караяннис обязательно влезет и девяносто процентов денег на грант захапает себе.

— А, ну ладно, Иван сегодня скинет.

— Что-то Иван мне даже чек на оплату не прислал до сих пор, — наябедничал я.

— Так а что тебе присылать, если у тебя денег все равно нет, — неприветливо хохотнул Караяннис.

— Ну, сегодня нет, а завтра, может, и будут.

— Ладно, я ему напомню, — буркнул он и отключился.

Хороший человек Караяннис. Я его очень люблю, но для него главное — это финансовые отношения. Нет денег —

нет разговоров. И сейчас он со мной старается вообще не созваниваться. Ну ладно, я эту ситуацию еще переверну на свой лад. Он у меня петть будет не хуже Пивасика.

После всего этого я поехал к Алене Петровне. Тихонечко открыл дверь ключом, который она мне дала, и вошел в квартиру. В комнате горел ночник. Очевидно, старушка не спала, ждала меня. Мне стало неудобно, что я пожилого человека заставляю всю ночь дежурить.

— Сережа, это вы? — спросила она из комнаты.

— Да, я. Извините, Алена Петровна. После аспирантуры водил коллегу в театр на «Ревизора», потом провожал.

— Да ну что вы, за что извиняетесь? Вы же были в театре — молодец, и я считаю, что правильно сделали. А то нынче молодежь приезжает в Москву — и максимум, на что ее хватает, по торговым центрам прошвырнуться, а музеи, театры и галереи и не посещают.

— Ну, я же вам не даю спать, — пробормотал я.

— Да какое мне спать, я сплю-то три-четыре часа в сутки, мне вполне хватает, — усмехнулась Алена Петровна и вышла в коридор.

Она была в домашнем халате, и на плечи ее был накинут старый, выцветший пуховый платок.

— Заходите на кухню, я вам сейчас ужин подогрею, — велела она.

— Не надо, не надо, Алена Петровна, — торопливо начал отнекиваться я. — Я перекусил нормально, не хочу есть.

— Ой, не рассказывайте, — категорично сказала она. — Знаю я эти ваши перекусы. Если бы вы с девушкой пошли и в театр, и в ресторан — вернулись бы значительно позже, а так вы были только в театре. Я знаю, что постановка идет два часа десять минут, плюс дорога. И вот за три часа с начала спектакля вы уже здесь, а это значит, что остались без ужина!

— Ужин отдал врагу, — отшутился я, вспомнив Лысоткина.

— И все же я вас накормлю, потому что вы однозначно хотите есть. Вы знаете, когда я была молодая, мы с моим Вадиком часто ходили по театрам. И когда возвращались домой, оба были такие голодные, что могли слона съесть. — Она печально улыбнулась. — Да и я чаю с вами заодно попью.

Ну, раз так, мне деваться было некуда. Поблагодарив добрую женщину, я пошел в ванную умываться. Когда вернулся на кухню, там уже был накрыт шикарный стол.

— Ого, — изумленно сказал я.

— Да, когда есть продукты, я люблю готовить, — улыбнулась Алена Петровна с довольным видом.

Я мысленно пообещал не бросать ее и постоянно что-нибудь подкидывать. Особенно после того как увидел ее истинное отношение ко мне:

Бехтерева Алена Петровна, 71 год

9-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Дружелюбие.

А на столе чего только не было. В глубокой миске изумительно пахнувшая овощная икра, темная, маслянистая, с глянцевыми кусочками баклажана и сладкого перца. На блюде — мясо по-французски под золотистой сырной шапкой, с томленным луком и пропитанным мясным соком пластинами картошки. Рядом форшмак — нежная розоватая масса из перетертой селедки, вареного яйца и сладкого лука со сметаной, а для свежести Алена Петровна наверняка добавила тертое кислое яблоко. Запеченная курица — целиком, в хрустящей золотистой корочке. Мусака — многослойная, с баклажанами, фаршем, картошкой и тонкими ломтиками помидора, под шапкой бешамели и тертого сыра, запеченного до бронзы. И пирог — открытый, на тонком тесте, со шпинатом, укропом и кусочками рассыпчатой брынзы между зеленых слоев. И все так вкусно пахло.

— Ну ничего себе, — ошеломленно сказал я. — Это ж на ночь нельзя такое есть, потом спать не будешь.

— Да ну что вы, — усмехнулась Алена Петровна. — Здесь немножко же. Давайте я вам положу чуточку вот этого.

И она взгромоздила мне на тарелку внушительный шмат истекающей золотистым мясным соком курицы, да еще с такой вкусной зажаристой шкуркой. Курица была приготовлена в духовке изумительно и даже на вид вызывала жуткий аппетит и обильное слюноотделение.

Я покачал головой и сказал:

— Алена Петровна, это же много.

Она словно не услышала моих робких возражений. Посмотрела на меня своими выцветшими глазами, укоризненно покачала головой и положила мне на тарелку еще кусочек мусаки — ароматный, с румяной корочкой. Затем щедро добавила пару ложек овощной икры и потянулась было за пирогом, но я вовремя ухватил ее за руку.

— Алена Петровна, я же лопну! — взмолился я.

Она усмехнулась — такая реакция ей явно польстила.

— Не лопнете, Сергей. Посмотрите, какой вы большой. Вам надо хорошо питаться. И много. А вы небось постоянно в суете — то работа, то учеба, тем более кандидатская. Вон с девушками по театрам ходите, а когда нормально поесть? Желудок не любит, когда к нему невнимательно относятся. Это я уже хорошо знаю, дожив до такого возраста.

Я с ней был солидарен насчет желудка, потому что сам когда-то уже дожил до такого возраста и даже чуть больше и прекрасно знал, чем подобное пренебрежение потом обернется. Просто смотрели мы на желудок и пользу для него с Аленой Петровной по-разному.

— А давайте уговор, — предложил я. — Все попробую, но по чуть-чуть от каждого. У вас тут целый кулинарный парад, мимо проходить обидно.

— Так это правильно! — обрадовалась она. — А то взяли курицу да мусаку — а у меня тут все стоит, остывает.

И положила мне на край тарелки тоненькую полоску мяса по-французски, ложечку форшмака и узкий ломтик пирога. Я съел все медленно, по очереди. Форшмак оказался тонко перетертым, с едва уловимой яблочной ноткой. Мясо по-французски — с правильной томленной луковой подушкой, без перебора майонеза. Пирог был на тонком тесте со шпинатом и брынзой. Алена Петровна прекрасно знала, как угодить мужскому желудку.

— Только добавки больше не предлагайте, — мягко сказал я. — Я на ночь стараюсь не наедаться, особенно мучным и сладким. Поздний плотный ужин — сахар в крови скачет, инсулин за ним, и пока организм с этой чехардой разбирается, нормально не выспаться. А я в больнице повидал, к чему такие ужины годами приводят. Инсулинорезистентность, разбитый сон... Накапливается вред медленно, а в один день — здравствуй, приехали.

— Знаю я это, знаю, — со вздохом кивнула Алена Петровна. — Но один раз можно, Сережа. Уж вы старуху уважьте. Не всегда у меня столько продуктов бывает. Точнее, в последние годы совсем никогда не бывает. И самое главное — не для кого мне больше готовить. А тут такой гость появился, так что я прям с удовольствием на кухне поработала.

— Спасибо, — от души поблагодарил я и добавил: — Да и не старуха вы.

— Ну а как вам постановка в театре? — дипломатично спросила Алена Петровна, чтобы перевести разговор на дру-

гую тему.

— Ох, замечательная постановка! Актеры отличные. Особенно, Владимир Львович.

— А девушка? Ну, девушка, с которой вы ходили в театр, она тоже замечательная? — Алена Петровна посмотрела на меня лукавым взглядом.

— Да, Марина замечательная, но только она не моя девушка, — покачал головой я. — Мы с ней скорее коллеги. Она умная, тоже в аспирантуре учится, только по гнойной хирургии. Кандидатскую вот собирается защищать, сейчас кандидатские минимумы сдает. То есть обскакала меня уже. Ну и работает в казанской городской больнице. А еще руководит профсоюзом.

— О, хваткая девушка, — одобрительно покивала Алена Петровна. — Вы за такую держитесь, Сережа. Сейчас хороших девушек очень мало. Каждая норовит устроиться так, чтобы ее содержали, цацки подороже покупали и по Мальдивам возили. А сами они что могут взамен предложить? А ничего.

Она вздохнула и неодобрительно покачала головой, припоминая явно что-то только ей известное.

— Но вы какой-то встревоженный, Сергей, — окинула она меня пронизательным взглядом. — После театра обычно приходят одухотворенные, радостные, веселые или же задумчивые, а иногда печальные. А вы как будто встревожены, причем сильно. У вас что-то случилось?

— Знаете, Алена Петровна, в последние два-три месяца у меня, наверное, каждый день что-то да случается — то одно, то другое. Вот академик Петров-Чхве говорит, что это у меня карма какая-то не такая, и я сейчас ее отрабатываю. Не знаю, верить или нет, но впору задуматься...

Около часа я рассказывал ей обо всем, что меня настигло, уже подробнее, чем вчера, в деталях. Выслушав меня, Алена Петровна с усмешкой покачала головой:

— Сережа, если бы вы больше собой интересовались да на себе были сосредоточены, не обращали бы на других внимания... Тогда, уж поверьте моему опыту, процентов семьдесят проблем у вас бы вообще отпало. А то и больше.

— Грубо говоря, если бы я был эгоистом?

— Ну да. Нарциссы, заикленные на себе, живут припеваючи, а люди с эмпатией, с большим сердцем, страдают за себя и за того парня. В советское время был такой стих про мальчика-помогаю.

— По земле из края в край ходит мальчик Помогай, — процитировал я по памяти с улыбкой. — Где народ сажает сад, там и он сажает ряд...

— Ну надо же, знаете! — искренне обрадовалась она. — Ну так вот, вы такой же. Или Дон Кихот, который воюет с ветряными мельницами и всем хочет помочь. Главный его принцип — догнать и причинить добро. Отсюда и проблемы.

— Предлагаете не помогать никому?

— Что вы! — замахала руками Алена Петровна. — Я по-

нимаю, что сейчас в моде герои, которые все гребут под себя, как тот кадавр в «Понедельнике» Стругацких, но вы же не такой! А себя ломать — только хуже делать. Не надо себя перекраивать, Сережа. Это ваша суть. В этом весь вы. И без этих проблем вам будет скучно и неинтересно жить. Поэтому относитесь к такому философски, просто примите как данность. И живите дальше спокойно.

Я согласно кивнул и принялся за одуряюще вкусную мусаку. И как раз доедал, когда мне позвонила тетя Нина. В час ночи.

— Слушаю, — сказал я, готовясь к самому худшему: что Валера съел Пивасика, или Пивасик Валеру, что санаторий разрушен землетрясением. Ну а какие еще причины звонить мне в час ночи? — Что-то случилось?

— Ой, Сережа, ты даже не представляешь! — выпалила она, и, судя по голосу, дело было нешуточное.

— Так что там такое? — нетерпеливо спросил я.

Алена Петровна за столом притихла, напряглась и внимательно смотрела на меня, явно прислушиваясь.

— Да нашли коробочки твои! — закричала тетя Нина.

— Да вы что? — обрадовался я. — Все три?

— Все три!

— А кто украл, нашли?

— Ты не поверишь — сосед твой!

— Какой именно сосед?

— Да Смирнов, помнишь, алкаш, который живет через

дорогу от дома Анатолия? Ну, который когда-то уже залезал к тебе и ноутбук твой своровал.

— А, ну так он похмелиться тогда просто хотел. А коробки-то ему зачем? И как он их сам вынес?

— Да не сам. Еще два таких же придурка с ним были. Ты представляешь, нашли эти коробки. Я же, как ты сказал, Япара позвала. Он охотников привел с собакой, и они эти следы очень быстро нашли. Сразу явились к Смирнову, а они на веранде прямо эти коробки бросили. И мы их обнаружили.

— Ну ничего себе, — озадаченно сказал я. — Так это же замечательно.

— Да не совсем замечательно, — ответила тетя Нина.

— А что такое?

— Да они решили, что это дурь какая-то, и наелись этого порошка, — охнула она. — Или нанюхались, пока неясно.

И тогда я выругался так смачно, что даже Алена Петровна поняла, что дело плохо.

Глава 2

Хотя, может, все не так уж и ужасно? Вот и нашлись у меня добровольцы-испытуемые.

Ага! А вдруг с ними что-то случится? Ну вот, снова пришла беда, откуда не ждали, опять все планы насмарку!

— Ох, — вздохнул я, отложив телефон, и несколько мгновений тупо пялился перед собой, не замечая ничего вокруг.

Из прострации меня вывел голос Алены Петровны:

— Сережа, что там? Расскажите, что случилось? Что-то ужасное?

— Да вот не то чтобы прямо ужасное-ужасное, но... — И я в двух словах рассказал про придурков-алкашей, которые стянули у меня экспериментальный образец. И более того, додумались его попробовать. — И вот что теперь с ними будет — непонятно. Поэтому надо срочно ехать в Морки.

Я взял сумку, которая стояла рядом на кухне, вытащил «Макбук» и начал искать авиабилеты.

— Сейчас надо посмотреть, есть ли билеты в Казань, — пробормотал я. — Если нет, придется брать такси. Вообще не представляю, что делать.

— Подождите, подождите, Сережа, — принялась успокаивать меня Алена Петровна. — Не спешите, не торопитесь! Вы так наломаете дров.

— Да каких там дров — ехать надо, — нахмурился я.

— Послушайте меня. Перед этим, полчаса назад, вы рассказывали о проблемах с грантом. Поэтому, позвольте, дам вам совет, так сказать, с высоты своего житейского опыта.

Я оторвался от пролистывания сайтов с авиабилетами и изумленно воззрился на нее.

— Слушаю, — вежливо сказал я.

Отмахиваться от доброй подруги моей Беллы, супруги моего друга Вадима, было некрасиво, особенно после того как она мало того что приютила меня, так еще и морально поддержала и накормила таким шикарным ужином. Это не считая того, как она выручила с моими вещами из прошлой жизни.

— Смотрите, — сказала она. — Вот сейчас у вас на весах два вопроса. Первый — это ваши гранты. Ваша репутация в мире науки, будущее материальное и социальное положение. Правильно я говорю?

Я согласно кивнул.

— И есть довольно непростые вопросы, касающиеся вашей компетенции, которые возникли у их оргкомитета. Так вот, я считаю, что эти вопросы вам нужно закрыть в первую очередь. Теперь что касается ситуации в Морках. Эти алкаши, они ведь уже съели тот препарат, правильно?

— Не весь, конечно, но да, что-то съели. Или вынюхали.

Я опять кивнул.

— Ну вот. То есть ваше присутствие уже ничего не изменит. Они же не умерли?

Я покачал головой: нет, мол, не умерли.

— Ну и все. Уже хорошо. А в остальном, так у вас же есть юрист, вы недавно говорили, вот пусть он и занимается. И пусть решает вопрос о том, как вернуть этот порошок. С другой стороны, вы можете и не подавать заявление в полицию, раз его нашли и раз этот порошок экспериментальный. И с третьей стороны, у вас теперь появляется уникальная возможность понаблюдать за этими алкашами: как они будут жить дальше, как их организм отреагирует на воздействие этого порошка. Считайте, у вас появились три добровольца. Как говорил мой Вадюша, статистически малая выборка, но уже хоть что-то.

По сути, она просто подтвердила мои мысли, но настолько вовремя это было сказано, что я аж засмеялся и посмотрел сияющими глазами на Алену Петровну.

— А ведь вы правы, — сказал я. — Вы ведь чертовски правы!

— Конечно права, — обрадованно сказала Алена Петровна и ехидно добавила: — Поэтому у вас появился еще один повод попробовать мой сырный пирог.

И огромный кусок сырного пирога был водружен мне на тарелку. Я мысленно застонал, но после того, как Алена Петровна со стороны разложила все так красиво по полочкам, пришлось поблагодарить, и я обреченно принялся ковырять нескончаемый пирог.

— Так что, Сергей, завтра езжайте в институт и займитесь

решением исключительно ваших дел. А вообще, я бы на вашем месте еще на пару дней осталась в Москве и решила все остальные вопросы. Они же у вас есть? Вы рассказывали и про Ирину эту, и про остальное. То, что вы постоянно их откладываете в долгий ящик, ничем вам не помогает. Ведь проблемы все равно остаются и лишь накапливаются. И потом вам приходится постоянно из этой провинции, Морки или как там, мотаться сюда, чтобы решать хоть что-то.

Я кивнул со вздохом, понимая, что она права и в этом вопросе.

— Так что останьтесь, Сережа, решите все, отдохните немножко от тех марийских проблем, займитесь собой, еще раз в театр сходите, сводите вон лучше девушку в ресторан, как обещали. А потом уже вернетесь в Морки и продолжите дальше делать свои великие дела.

Она улыбнулась и хитро посмотрела на меня.

— Спасибо, Алена Петровна. Если бы не вы, я бы, наверное, сейчас действительно наломал дров.

— Вот и хорошо.

С этими словами она встала из-за стола и принялась собирать посуду, а закончив, сказала:

— Тогда желаю вам спокойной ночи. И надеюсь, что вы еще у меня погостите.

Рано утром Алена Петровна решительно заявила, чтобы я не вздумал совершать больше никаких покупок. Клятвенно пообещав, что больше не буду, я пробежался по близлежащему бульвару.

Взмыленный после пробежки, вернулся, принял душ и, собравшись и позавтракав остатками вкуснейшего сырного пирога, рванул в сторону института нейрохирургии.

Перед этим я отправил Марусе сообщение, что сегодня буду там. Она сказала, что тоже планирует весь день пробывать на работе, и пообещала, что созвонимся и встретимся.

А еще я по дороге сделал ход конем: заехал в большой круглосуточный продуктовый супермаркет и все-таки взял бутылку коньяка. Раз я решил остаться, Борьке моральный ущерб надо хотя бы коньячком возместить. Денег катастрофически не хватало, и я уже подумывал, не взять ли микрокредит. Кредитная история у Сереги в банке была, мягко говоря, так себе, но, возможно, небольшую сумму взять можно. Отдам сразу, если вдруг повезет с грантом, и я получу хоть небольшой транш... Нет, плохой вариант, это дорогие деньги. Стоит все-таки обратиться к Алисе, наверное.

Добравшись до института, первым делом я пошел к заведующей аспирантурой и попросил справку. По дороге обру-

гал себя за то, что не прихватил для нее никакого подарочка: без этого она с этим делом будет тянуть долго и нудно. Но ничего, попрошу Терновского, если что, пусть пнет ее.

Однако, к моему радостному удивлению, Лилия Дмитриевна сегодня оказалась довольно сговорчивой: кивнув на секретаря, она сказала, что справка до конца дня будет готова.

— Вот и замечательно, — обрадовался я и подумал, что первая часть моего Мерлезонского балета уже неплохо так продвигается.

Затем я созвонился с Марусей.

— Я у Борьки, в смысле, у Бориса Альбертовича, — сказала она. — Заходи, Сережа. Он тебя хочет видеть.

«Ох и Маруся, ну вот зачем было ябедничать научнику», — укоризненно подумал я. Ну, Маруська всегда была правильной девочкой. С детства.

Я вошел в кабинет. Маруся сидела в углу, в кресле для посетителей, и читала какую-то старую потрепанную книгу, с одного взгляда на которую было ясно, что это труды Петрова-Чхве.

Терновский сидел за столом и что-то яростно отбивал на клавиатуре, сердито пялясь в экран компьютера.

— Доброе утро, — радостно сказал я, открыв дверь.

— Когда видишь тебя, уже и не хочется думать, что оно доброе, — сварливо огрызнулся Терновский. — Чего приперся с утра так рано? Ты же вроде должен был уезжать. У

тебя же работы не впрок. Что там ты сейчас делаешь — трубы строишь или обои красишь?

Я, не удержавшись, хмыкнул: Борька в своем репертуаре, не может не ворчать. Потому что Система сдала его с потрохами:

Терновский Борис Альбертович, 42 года

Прозвища: Борька, Шило.

15-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Доверие.

— Да нет, зашел буквально на минуточку. Во-первых, поблагодарить вас, Борис Альбертович, за то, что вызвали меня и вступились, и вообще, помогли победить этого Кабановича. Свергнуть, так сказать, с фальшивого пьедестала наследника.

С этими словами я водрузил на стол коробочку с коньяком, трехзвездочный «Ной». Не бог весть что, но хоть так, да и Борька на рыбалке проявил себя в плане алкоголя совсем непривередливым.

— Ты не обольщайся, — фыркнул Борька, внимательно и придиричливо осматривая название коньяка. — Этот Кабанович — хитрый лось, и он так просто это дело не оставит.

— Точнее, это дело не оставит Лысоткин, — подала из своего угла голос Маруся. — Потому что я стопроцентно уверена, что этого Кабановича натравил именно Лысоткин.

— А я считаю, что это Михайленко, — запальчиво сказал Борька. — Вообще, честно говоря, у меня давно уже складывается впечатление, что все это дело проворачивает именно Михайленко. А Лысоткин — просто вывеска с громким научным именем, под которой они прокручивают свои делишки.

Невольно я аж застыл и удивленно посмотрел на Борьку. Черт возьми! А ведь он тысячу раз прав!

Все это время Михайленко держался в тени и ни разу ни в каком конфликте не вышел наружу, даже на конференции. Невзирая на свою амбициозность, он не полез делать доклад, а лишь в конце, как говорится, вышел под аплодисменты. И сейчас, когда шла вся эта разборка, Лысоткин копытами рыл землю, а Михайленко лишь бросил одну или две фразы, и то как бы между прочим. И эти фразы можно в принципе трактовать различно. Причем он лишь дал характеристику моей личности, что я алкаш, но ни слова не сказал про то, что я плагиатил или еще что-то подобное.

А вот это уже интересно. И ведь именно Михайленко убеждал меня лечь в больницу, а потом лично делал мне ту самую операцию, во время которой я умер...

— Алло, гараж! — рывкнул Борька, глядя на меня. — Ты че, завис, Епиходов, с бодуна, что ли?

— Да нет, — сказал я. — Просто задумался. Ведь вы правы, Борис Альбертович.

— Я всегда прав, — гордо раздувшись, заявил Борька. —

А ты, вместо того чтобы изображать из себя умирающего лебедя, сгонял бы лучше в аспирантуру и узнал, когда у тебя первый экзамен из кандидатского минимума. У нас уже у многих аспиранты первого года обучения подавали по первому кандидатскому экзамену, а некоторые скоро и второй будут сдавать. А у тебя конь не валялся.

— Борис Альбертович, — примирительно сказал я. — Кандидатские минимумы — это меньшее, что меня на данный момент беспокоит. Сдам их на следующий год.

— На какой еще следующий год?! — возмутился Терновский. — Ты понимаешь, что тебя до следующего года просто комиссия на итоговом отчете не допустит? Вот смотри: ты поступил зимой, в декабре. По сути, приказ на тебя оформлен от декабря, а первый отчетный период за первое полугодие у тебя будет в конце апреля. И у тебя осталось четыре месяца, даже меньше, потому что могут перенести и на начало апреля — будем считать, три месяца. А у тебя шаром покати. Чем ты отчитываться будешь? Вот скажи мне, Епихов, сколько статей за это время ты написал и опубликовал? Хотя бы сдал в печать? А сколько тезисов, хотя бы самых сраных, ты сделал? Не считая того выступления на конференции, да и то ты там в пленарном докладе фигурируешь как содокладчик. А ведь тебе надо моновыступление. И у тебя на сегодняшний момент больше ничего нет!

— Мы подали с Сережей заявку на патент, — попыталась защитить меня Маруся. — Кстати, Сережа, я вот написала

тебе о том, что не претендую, — протянула она бумажку. — И вот еще один документ, то, что ты просил.

— А что он просил? — сразу заинтересовался Борька и, прищурившись, с подозрением посмотрел на меня.

— Да так, это наши семейные дела, — сказала Маруся и явно сделала это зря.

Потому что Борька аж побагровел и подскочил чуть ли не до потолка:

— А я что, в твою семью уже не вхожу? — Он посмотрел на Марусю, обиженно прищурившись.

— Ой, не начинай, — миролюбиво сказала она. — Я тебе потом все объясню.

Наверное, я поступил малодушно, но, с моей точки зрения, на данный момент это был единственный верный выход. Я выскочил из кабинета, оставив их там переругиваться. Надеюсь, Маруся сумеет привести его в сознание. Она у меня умничка.

Перед уходом горделиво хмыкнул, оценив уровень значимости дочки:

Епиходова Мария Сергеевна, 35 лет

Прозвище: Маруся.

12-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Доверие.

И отправился дальше. У меня теперь на руках были две

справки, которые отдала Маруся. Первая о том, что она не претендует на мою часть в соавторской работе. И вторая о моей смерти. Точнее, копия.

Я открыл ее, вчитался в казенные строчки — и, честно скажу, аж волосы на голове и на руках зашевелились. По спине побежал струйкой пот, в глазах затуманилось, а в ушах застучала кровь. Не знаю, как чувствуют себя люди, которых, например, по ошибке объявили умершими, и они вдруг читают свои некрологи где-то на сайтах или в журналах. Но вот я, живой человек, стою посреди коридора и смотрю на справку о своей смерти. С ума сойти — врагу такого не пожелаешь!

Усилием воли отогнав мандраж, я выдохнул и решил пойти попить кофе. Обычно я старался ограничиться с утра единственной кружечкой кофе или чашкой чая, но сейчас случай был такой, что мне требовалось успокоить нервишки. Или, наоборот, взбодрить их.

Так что я отправился в сторону библиотеки, где рядом находился кофейный автомат. Заодно решил заглянуть к Галине Александровне и поблагодарить ее за такую неожиданную поддержку в борьбе с Кабановичем. Все равно нужно было убить время, до того как в аспирантуре сделают справку. Делать ее собирались целый день — подписывать у директора, а у него документы всегда лежат долго.

Да, можно было проехать по Москве, чем-нибудь заняться. Но особых дел у меня не было. Еще я мог бы созвонить-

ся с зеленоглазой Кирой, с которой познакомился в караоке, тем более с Аней мы расстались, но с пустым карманом ходить на свидания не в моих правилах.

Да, я мог бы узнать, что нарыли сотрудники Караянниса, но он мне четко дал понять, что без денег ничего не скажет, поэтому ехать к нему в контору смысла не было.

С Ириной я тоже, во всяком случае сегодня, встречаться не собирался. Но при этом решил на этой неделе, раз уж задерживаюсь в Москве, обязательно с ней повидаться. Впрочем, вполне вероятно, ей уже сообщили о моем приезде, так что, может, она и сама позвонит. Будет интересно выяснить ее истинное отношение ко мне.

И был еще один довольно важный момент: предстояло встретиться с Елисеєм Ротоносом, аспирантом Лысоткина. Мы с ним в прошлый раз хорошо так загудели и вроде даже практически задружились, поэтому я очень рассчитывал кое-что выведать через него. Также я хотел через него и Леху, аспиранта Ильасова, сделать небольшой информационный вброс, потому что пора было Лысоткину и Михайленко пощекотать нервишки.

В общем, размышляя над всем этим, я добрался до кофе-машины и там практически нос к носу столкнулся с Лизой Перепечкиной, еще одной аспиранткой Борьки Терновского.

При виде меня она гневно фыркнула и метнула недобрый взгляд сквозь роговые очки:

— Епиходов, а ты что здесь делаешь?!

— И тебе привет, Лиза, — донельзя миролюбиво сказал я. — Учусь я здесь, если ты забыла. В аспирантуре. Как у тебя дела? Смотрю, ты что-то вся в хлопотах, вся в делах...

Она хватанула свой стаканчик с кофе и, прищурившись, смерила меня нечитаемым взглядом:

— А это правда, что ты вчера эту носатую Носик водил в театр? — без обиняков спросила она с претензией.

Я аж опешил. Обалдеть, не успел сходить с девушкой в театр, как уже весь институт об этом знает.

— Ну, было дело, — пожал плечами я и оплатил американо. — А что не так?

— А то не так! — поджала она тонкие губы. — Ты вообще-то в аспирантуре у нас числишься, в нашем отделе, а по театрам водишь каких-то посторонних аспиранток! Из гнойной хирургии тем более!

Она не закончила свою речь, и невысказанный вопрос-обвинение повис в воздухе. Я чуть не расхохотался: о как! Лиза Перепечкина имеет на меня виды и категорически возражает против появления на ее территории конкурентки. Но додумать мысль я не успел, потому что Лиза добавила то, что повергло меня в шок.

— А ты знаешь, что Ротонос повесился?

Стаканчик с кофе чуть не выпал у меня из рук:

— Елисей? Когда?

— Сегодня ночью, — неодобрительно фыркнула она.

— А похороны когда? — выдавил я.

— Так он живой, — пожала плечами Лиза и злорадно добавила: — В больнице лежит. Его успели снять и откачали. Но из аспирантуры теперь точно выпрут.

Глава 3

Лиза Перепечкина все еще морщила носик, и я решил посмотреть на ее профиль.

Над ее головой высветилась плашка Системы:

Перепечкина Елизавета Денисовна, 34 года

Прозвище: Гермiona Грейнджер (на минималках).

4-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Притязание.

О как! Значит, Лиза Перепечкина в глазах окружающих — Гермiona Грейнджер на минималках? Не зря я тогда про нее так и подумал. Еще и имеет на меня притязания, надо же! А значит, и контролировать пытается, мамочка аспирантская.

Не удержавшись, я хрюкнул, чуть опять не расплескав кофе.

— Что такое? Что смешного? — Лиза нахмурилась. — Человек практически при смерти, а ты хохочешь. Нельзя быть таким бессердечным, Епиходов.

— Да нет, я не потому, — сделал попытку оправдаться я, но не прокатило.

Лиза не сдавалась:

— А вот не надо ходить с чужими аспирантками по теат-

рам — и не будете потом вешаться! — отрезала она и грозно нахмурилась, отчего стала похожа на кролика из мультфильма о Винни-Пухе.

Я еле-еле обуздал дурацкий смех, который рвался изнутри, и с серьезным видом посмотрел на сердитую Лизу, а затем примирительно сказал:

— Ну да, ты права, косяк с моей стороны был. Но, понимаешь, мы с Мариной давно знакомы, работали вместе еще в казанской больнице, поэтому решили вчера сходить в театр. Я давно хотел посмотреть «Ревизора», и она тоже, вот так совпало. А что, двум коллегам-аспирантам уже и в театр сходить нельзя?

— А что, в своем отделе коллег-аспирантов разве нет? — нахмурившись, в тон ответила мне Лиза. — Хотя, насколько мне известно, на пьянку на прошлой неделе ты тоже соизволил пойти с Елисеем и Лехой, а не с нашими. И как-то совсем не удивительно, что они теперь вешаться начинают...

«Ну ни фиги себе, — подумал я, снова еле сдерживая идиотский хохот, — как у Лизы здесь все шпионской сетью охвачено». А вслух сказал:

— Ладно, Лиза, с этой ситуацией мы разберемся. Ты лучше расскажи, как у нас дела, какие тут сплетни, слухи, что вообще интересного?

— Я тебе что, бабка базарная, сплетни передавать? — фыркнула Лиза.

— Конечно же, ты не бабка. Ты у нас знающий человек,

который контролирует ситуацию, — дипломатично ответил я.

Перепечкина польщенно зарделась и тут же начала делиться информацией:

— Да, в общем, тут такое дело. Аспиранты собираются на небольшой сабантуйчик.

— С чего это? Хануку отмечать будете, что ли?

— Ну, новогодне-рождественские праздники же начинаются, а на это время все разъедутся, поэтому решили сейчас посидеть, заодно отметить.

— Так это же замечательно! — обрадовался я. — А когда?

— Да вот через три дня все наши собираются, так что я думаю, тебе тоже следует присоединиться, а то все особняком держишься. Нехорошо, уже многие на тебя косо посматривают.

Она сделала паузу и многозначительно добавила:

— Особенно после твоего выступления на конференции. «О как, — подумал я. — И здесь я печально популярен».

И, кстати, тут Лиза была абсолютно права: как-то я, занимаясь своими делами и общаясь исключительно с профессорско-преподавательским составом, совсем запамятовал, что принадлежу-то к совершенно другой прослойке — к группе аспирантов. И именно с ними мне в первую очередь нужно налаживать социальные связи, потому что, выпустившись из аспирантуры и защитив диссертацию, мне с ними большую часть времени придется взаимодействовать,

особенно если хочу остаться в науке.

Я же общаюсь преимущественно с Петровым-Чхве, с Борькой Терновским, с библиотекаршей Галиной Александровной, ну и с Марусей, само собой. То есть это мой бывший круг общения, из прошлой жизни. А с ребятами я время проводил всего один раз, имеется в виду эта вылазка с парнями, да и то, честно говоря, истинная причина была в том, чтобы хотелось задружиться с Сашкой. А парни стали лишь фоном. И это в корне неправильно.

Я поставил себе мысленную заметку — наладить контакты со всеми аспирантами. И уж коли остаюсь здесь еще на пару дней, пойти на этот сабантуй аспирантов нужно обязательно.

— Я в деле.

— Тогда с тебя четыре тыщи рублей, — ответила Лиза. — Мишка Шульц собирает, ему и сдавай.

— Ого, — вытаращился я. — А чего так много?

— А мы решили в хорошем ресторане посидеть. Что, мы не заслужили за год один раз нормально отдохнуть? — фыркнула Лиза. — Но это не я предложила, это Аллка Красноженюк с кафедры спинальной хирургии. Я, кстати, тоже считаю, что незачем — ведь можно было и в общаге вполне нормально посидеть. Скинулись бы на винишко, пиццу бы заказали или там пиво бы взяли — и хорошо. Тут же главное — общение.

— Но зато будет повод надеть красивое платье, сделать

модную прическу, показать себя во всей красе и на других посмотреть, — повторил я Маринкины слова и осекся, заметив, как Лиза вспыхнула.

Да, сейчас она еще больше подурнела. Видимо, много работы, питание перекусами на ходу, постоянный стресс — а это отнюдь не улучшило ее и без того сомнительную внешность.

«Надо будет ей что-нибудь посоветовать», — подумал я, но сразу же переключился на другое:

— Слушай, а в какой больнице лежит Елисей? — задал я главный вопрос.

— Да в Склифосовского, — ответила она. — Как обычно.

— А в каком отделении?

— Да ты спроси там в регистратуре, они сразу все скажут, — сказала она, отмахнувшись.

— А что, к нему никто не ходил?

— Да кто к нему пойдет, если он в реанимации?

— Понятно, — сказал я и сделал себе зарубку, что надо будет поехать к Елисею.

Естественно, не сегодня, возможно, даже не завтра, а послезавтра, и серьезно поговорить с парнем, если он, конечно, будет в состоянии. Что-то не верилось мне, что такой верующий и честный парень, к тому же правильно воспитанный тиранами-родителями, будет накладывать на себя руки из-за какой-то там несчастной любви, да еще в таком не самом юном возрасте. Нет, тут что-то совсем другое, и я ничуть не

удивлюсь, если за всем этим стоит рука Лысоткина.

И в этом мне еще следовало разобраться.

Телефон просигналил о сообщении. Я посмотрел: от Караянниса пришла короткая фраза: «*Скинул документ на электронную почту*» — и все, ни здравствуйте, ни до свидания. Но и то хорошо.

Я быстренько просмотрел электронную почту: и действительно, там были документы по оформлению нашего с Марусей патента и скрины заявки, подтверждающие, что весь пакет документов подан в Роспатент. И что заявка принята и находится в данный момент на рассмотрении, успешно пройдя первый этап. Обрадовавшись, я добавил все это в общую папку, а затем отправил Нине Шишкиной в Фонд содействия инновациям.

— Так ты точно пойдешь? — спросила Лиза, прищурившись и глядя на меня чуть исподлобья.

— Конечно, я же сказал, — ответил я. — Только ты, пожалуйста, тогда держи меня в курсе. Потому что, сама понимаешь, я здесь набегам, многие важные события пропускаю.

— Да у меня даже нет твоего телефона! — сказала она, поджав губы, но глаза блеснули триумфом.

— Так давай обменяемся, в чем вопрос? — пожав плечами, предложил я.

Мы быстренько обменялись контактами, и я попрощался: — Ну ладно, я тогда побежал, Лиза. До встречи.

Она что-то невнятно ответила, но по тону было ясно, что

девушка еще много бы хотела мне высказать, но раз я убегаю — значит, вполне заслужил такое отношение.

А я пошел в библиотеку, где сидела Галина Александровна. Библиотекарша скрупулезно просматривала очередную старую картотеку.

— Здравствуйте, Галина Александровна, — поприветствовал я.

— Здравствуйте, Сергей, — сказала она, посмотрев на меня поверх очков и прищурившись. — А вы разве не знаете, что в библиотеку с напитками нельзя?

Затем еще больше нахмурилась и едко добавила:

— Никому нельзя. Даже вам.

Я глянул на зажатый в руке стаканчик с кофе, который машинально прихватил после разговора с Лизой и поспешного бегства.

— Простите, — смущенно пробормотал я. — Не беспокойтесь, я не буду близко подходить к книгам. Просто сейчас разговаривал с Лизой Перепечкиной и буквально обалдел от последних новостей, поэтому и забыл, что нельзя с напитками в библиотеку. По поводу Елисея Ротоноса. Вы же слышали?

— Слышала, — сказала она, неодобрительно поджав губы. — Но не считаю, что он совершил такой дурацкий поступок из-за несчастной любви, как все тут хором утверждают.

— Я тоже так не думаю, — кивнул я, — и намерен разобраться. Кстати, Галина Александровна, хотел вас поблаго-

дарить за то, что пришли на то заседание и поддерживали меня.

— Да это же вполне обычное дело, — пожала плечами она, — тем более мы с вами повязаны воспоминаниями о Сереже... о том умнице и светлом человеке Сереженьке Епиходове, которого с нами, увы, больше нет...

— Да, — кивнул я, а на душе после ее слов разлилось приятное тепло. Отрадно, когда после твоей смерти люди говорят о тебе так хорошо. Значит, не зря жил.

Я задумался. Галина Александровна, очевидно, тоже. Возникла неловкая пауза. Я не знал, что ей еще теперь говорить, а ее строгий вид показывал, что она не намерена со мной больше что-либо обсуждать.

— Ладно, — сказал я. — Пойду...

— Погодите! — как-то слишком уж резко воскликнула Галина Александровна и еще раз зыркнула на меня непонятным взглядом. Немного помявшись, она спросила: — Скажите, я ведь правильно понимаю, вы — его сын? В смысле, вы сын академика Епиходова?

Стаканчик с кофе выпал у меня из рук, обрызгав соседний столик.

— Осторожнее! — воскликнула она и, подхватившись, выдернула какую-то салфетку и подбежала вытирать. — Вот видите! А ведь я не зря говорила, что с напитками в библиотеку нельзя! А если бы здесь были книги?!

Я тоже присел, начал вытирать. И был совершенно растерян, не знал, что ей сказать.

— Ладно, не отвечайте, — тихо сказала она, даже не дожидаясь моего ответа. — Я теперь в этом полностью уверена.

— Почему вы так решили? — пробормотал я, вставая с полуприседа.

— Дело в том, что, проработав столько лет в науке — пусть я сейчас и обычный библиотекарь, но в свое время ведь тоже занималась в аспирантуре... — сказала она, возвращаясь на свое место за столом. — В общем, я обратила внимание, что вы — точная его копия. Абсолютная копия!

— Да ладно! — скептически воскликнул я, и от сердца аж отлегло. — Он же сероглазый был, а я — кареглазый, он сухощавый был, а я...

— Нет, нет, не в том плане! — оборвала она меня. — Вы прекрасно поняли, что я имею в виду! Не фенотип. А совсем другое: по манере разговаривать, по использованию некоторых фраз, ваша речь, манеры, жесты, поворот головы, взгляд, какие-то вот такие маленькие нюансы, — начала перечислять она. — Вы все делаете точно как он. И если бы я верила в переселение душ, как наш многоуважаемый Иван Чиминович Петров-Чхве, точно бы сказала, что вы — это он.

Хорошо, что у меня в этот момент стаканчика с кофе в руках уже не было, иначе он бы еще раз выпал и окончательно залил все окружающее пространство.

— О как, — прошелестел я.

— Да! Дети часто копируют большинство черт своих родителей, генетически, — убежденно сказала она, а потом до-

бавила, но таким тоном, что сомнений в ее позиции не оставалось: — Хотя, может, я и ошибаюсь.

И она вновь скептически взглянула на меня.

— Может быть, — пожал плечами я и, улыбнувшись, вышел из библиотеки.

Я намеревался пойти в кабинет, где сидели все аспиранты Терновского. Во-первых, чтобы сдать Мише деньги на вечеринку, а во-вторых, чтобы начинать налаживать социальные связи.

Но телефонный звонок спутал все мои планы. Это был Наиль:

— Здравствуйте, Сергей Николаевич, — сказал он, и по тону его стало ясно, что, во-первых, он очень рад со мной разговаривать, а во-вторых, что новости хорошие, точнее, более-менее хорошие.

— Здравствуй, Наиль Русланович, — сказал я. — Как у тебя дела? Что нового?

— Все хорошо, — отмахнулся Наиль, не став рассказывать, что там у него происходит. — Значит так: по санаторию все идет как положено. Мы с Евой снова ездили в нашу моркинскую администрацию и продолжили работать над проектом землеотведения. Удалось также согласовать полученные технические условия от водоканала и открыть ордер на земляные работы. Это по поводу канализации, чтобы мы могли врезаться в их общую ветку. Это очень важный вопрос. Еще получилось провентилировать вопрос с договором на водо-

снабжение.

— О, отлично! — похвалил его я. — И что же решили?

— Что решили? Так как схема расположения земельного участка с трубами еще до конца не согласована, а у нас она однозначно выйдет за пределы забора санатория и почти полтора километра пойдет по муниципальной зоне, мы пока зарегистрировали ту скважину, которая уже есть у нас на территории. А также начали процедуру согласования проекта организации зоны санитарной охраны вокруг этой скважины, иначе не подпишут же. Ну и, чтобы мы и сейчас могли брать воду оттуда. Временно, конечно же, на два года всего, такое нам санитарно-эпидемиологическое заключение Роспотребнадзор пока дал, но за это время, я думаю, вопрос с водой мы решим кардинально. В любом случае это все будет сделано, только не так быстро. Единственное, насколько мой опыт говорит, придется ехать в Йошкар-Олу... Тем более что я и так собирался. Может, даже завтра во второй половине дня или, скорее, послезавтра.

— Это замечательно! — обрадовался я. — Там же брат Венеры запропал, а она очень волнуется...

— Да-да, помню, я же поэтому и хочу совместить несколько дел за одну поездку, — сказал Наиль и быстренько, чтобы я не задавал других вопросов, перевел разговор в другое русло. — И теперь по поводу ваших коробочек...

— Что там с коробочками опять? — спросил я, сразу напрыгшись.

— Не беспокойтесь, Сергей Николаевич. Все стоят под вашей кроватью во флигеле. Лично Александра Ивановна проследила, чтобы ничего там не рассыпалось, все запечатала, потому что одна из коробочек, понимаете... — замялся он.

— Ну, мне тетя Нина говорила, что эти придурки попробовали. Че они там с ним делали — ели, нюхали, кололись?

— Да нет, они ели, — неодобрительно сказал Наиль. — Точнее, разводили в воде и пили. Он же растворяется, этот порошок, как оказалось.

— И что?

— Ну, вот Александра Ивановна запечатала с той стороны, где была пленка надорвана.

— Да нет, я не про то. Я за это даже не беспокоюсь, — сказал я. — Что с мужиками?

— А что... лежат они...

— В каком смысле лежат? Они что, так еще и не пришли в сознание? До сих пор?!

— Нет, не пришли, Сергей Николаевич. Но Александра Ивановна посмотрела их и сказала, что спят. Проверила сердце, что-то там еще — говорит, все хорошо. И еще этот приходил, как его, который анестезиолог...

— Николай Борисович? — уточнил я. — Самарцев?

— Ну вот этот, да. Он тоже посмотрел, сказал, что ничего страшного.

— А он откуда узнал? — удивился я.

— Так ему Александра Ивановна сама позвонила. Он,

кстати, сейчас к нам уже два раза в санаторий приходил.

— Зачем?

— Так он же планирует перейти сюда работать. Ходил к Александре Ивановне, там какие-то вопросы выяснял по работе.

— А, ну тогда ладно, — с облегчением выдохнул я. — Хорошо. А Николай Борисович не сказал, когда перейдет полностью?

— Нет, сказал, будет с вами сперва разговаривать. Но после Нового года собирается перебраться, — сказал Наиль. — Так что вот такие дела. И еще последний вопрос такой: звонила Татьяна.

— Какая Татьяна? — не понял я.

— Ну, соседка ваша из Казани. Проблемы же у вас там. По поводу вашей дальней родственницы, которая якобы претендует на часть жилплощади, насколько я понимаю ситуацию.

— Да, было такое дело, но я с Караяннисом связывался, он сказал, что ничего она сделать не может.

— Да? Ну так вот. Значит, ваша подруга Татьяна взяла у другого вашего соседа Максима видеоматериалы и передаст их мне, потому что нужно все-таки подать в полицию заявление. Иначе она это дело так не оставит, и вы понимаете, нет же никакой гарантии, что она завтра вашу дверь не подожжет или еще что-то. Человек абсолютно невменяемый, поэтому надо действовать жестко. Я жду только вашей отмашки.

— Хорошо, — сказал я. — Я буду в Казани, заберу.

— Да нет, не надо. Ева собирается съездить на денек в Казань по каким-то делам. Она сказала, что может заехать и забрать флешку, — сказал Наиль. — В крайнем случае Татьяна перекинет материалы мне по интернету.

— Хорошо.

Обсудив еще кое-какие вопросы, мы распрощались.

Но тут же сразу раздался следующий звонок. На этот раз меня набрала тетя Нина.

«Ну блин, — подумал я, — если она звонит, то это надолго». Но тем не менее радушно поприветствовал:

— Здравствуйте, тетя Нина, как у вас дела?

— Беда, Сергей, беда! Ты не представляешь, Джимми, что происходит! — прорыдала она в трубку.

— Что? Что случилось? — встревожился я, решив, что мужики умерли.

— Скотина Чепайкин передумал на мне жениться! — И тетя Нина, захлебываясь рыданиями, отключилась.

Глава 4

Чертыхнувшись, я некоторое время тупо смотрел в экран и думал, что делать. Это стороннему человеку покажется, что причитания тети Нины смешны и меня не касаются. Я так не могу. Если я ввел человека в свой ближний круг, то просто не имею права пройти мимо его проблем. Особенно когда он страдает.

Так что первое, что я сделал после разговора с тетей Ниной, — позвонил Чемышевой.

— Здравствуйте, Александра Ивановна, — сказал я, когда она наконец ответила на вызов. — Что там у вас случилось?

— Да все нормально у нас, — ответила она. — Я вот сейчас иголки Элен поставила, чувствует она себя вполне хорошо. Кстати, и Прохор Евграфович тоже просится на иголки, точнее, это Элен решила, что ему надо, поэтому ему тоже будем ставить, только чуть позже...

— Погодите, — перебил я. — Ставьте их хоть всем, кто там есть, единственное, ведите учет, кому и как. У меня другой вопрос: что случилось?

— Вы про коробочки?

— Да нет же, — начал я раздражаться от ее непонятливости. — Мне звонила тетя Нина. Ну, Андреева Нина Илларионовна. Рыдает прямо. Ничего понять не могу. Так что там у нее произошло, Александра Ивановна?

— А Нина Илларионовна... Ну да. — Александра Ивановна замялась, а потом как-то смущенно и осторожно сказала: — Да тут у нее проблемы на личном фронте нарисовались. Все этот Чепайкин... А я же ей говорила: не связывайся ты с ним, козел он тот еще. В общем, передумал он жениться и забрал заявление из загса. И козу тоже. Которую в качестве калыма привел.

— О как, — озадаченно сказал я и немного уязвленно добавил: — Я ведь даже и не знал, что они подавали заявление. Думал, что просто будут слегка сожительствовать, да и то в лучшем случае. И, честно говоря, особо серьезно к их вот этим брачным пляскам не относился. Теперь понятно. А что, у них какой-то конфликт произошел? Что случилось? В чем причина того, что он внезапно отменил свадьбу?

— Да вот как-то все непонятно. И разговаривать с Ниной он не хочет. Избегает.

— Угу.

— А она... она в ужасной депрессии, рыдает постоянно. Если бы не необходимость готовить и кормить всех нас, то я не знаю, что бы с ней и было. А так чувство долга, конечно, заставляет ее вставать с постели и что-то делать. Думаю, ей нужно еще добавить какой-нибудь работы, потому что она и по вечерам рыдает. Живет-то через стенку со мной, в соседней комнате, и у меня просто сердце разрывается слышать, как она страдает. Ну и не высыпаюсь я из-за ее мытарств, стены у нас тут картонные.

— Вот черт, — задумчиво пробормотал я. — И что же ей такого придумать?

— Да я уже все перебрала. И полы мыть — она и так все моет у нас во флигеле. А в санатории сейчас надо бригаду вызывать, чтобы оттерли все после побелки и покраски. И я уже не знаю, что бы еще придумать. И Тайра Терентьевна пыталась ее к своей работе привлекать. Но ничего не помогает, все равно плачет.

— Понятно, — пробормотал я. — Хорошо, Александра Ивановна, вы там держите руку на пульсе, подгружайте ее пока хоть чем-нибудь. Может, еще посоветуйтесь с Элен, вдруг она что-то придумает. А я тоже, в свою очередь, подумаю, и потом созвонимся. Надо ей срочно дать чем-нибудь заняться. И с Чепайкиным бы поговорить, но у меня нет его телефона.

— Я сама могу к нему зайти, — сказала Александра Ивановна. — Вечером поеду в Морки, нужно из дома забрать кое-какие свои вещи, а то я, как уезжала, не все прихватила. Хочу старый тулуп взять, а то жалко хорошую шубу сейчас здесь таскать, запачкалась, ну и прочее. И тогда заеду к нему и поговорю.

— Подождите, а как же вы попадете в Морки? — спросил я.

— Так меня Прохор Евграфович отвезет, он во всем помогает. Золото, а не мужчина!

— Вот и отлично, — обрадовался я отзывчивости тело-

хранителя Элен. — Тогда я вас попрошу после разговора с Чепайкиным мне все сразу же и рассказать.

— Хорошо, договорились, — сказала она.

И на этом мы распрощались.

Этот разговор оставил у меня какой-то странный осадок. С одной стороны, вроде, ну, подумаешь, какая ерунда: милые бранятся — только тешатся. Но я уже неплохо знал тетьку Нину. При всей своей внешней ворчливости и свирепости она была очень добрым и крайне уязвимым человеком. И если вот это все произошло именно так, как рассказывает Александра Ивановна, то я представляю, в каком стрессе тетька Нина находится сейчас. Нужно было что-то делать. Звонить ей, уговаривать, смысла нет: она взрослый человек и прекрасно понимает, что никакими уговорами разбитое будущее, на которое она очень надеялась, не склеишь.

Ну, Чепайкин, ну, «молодец». И как-то он мне вроде и симпатичен был, такой дедок славный. А тут ты посмотри, как себя повел. Ну что ж, век живи — век учись. Хотя вот что-то меня все равно царапало, и не верилось, что он так просто взял и отказался от свадьбы. Может, тетя Нина слишком рано включила в себе хозяйку?

Ладно, рано или поздно я доберусь до Морок и тогда окончательно разберусь.

Пока я стоял, мимо меня по коридору прошла Лада Георгиевна, которая занималась метаболическими показателями. Та самая, что удивлялась моему присутствию на научной

конференции и заняла мое место в зале.

Скользнув по мне взглядом, она внезапно остановилась и сказала:

— А вы что здесь делаете?

Причем сказала это так едко и так демонстративно поджав губы, что мне стало очень неприятно.

— Извините, не понял, — вежливо (пока еще вежливо) ответил я.

— То вы на наследие Епиходова почему-то претендуете, сейчас обвиняете Казимира Сигизмундовича в каких-то фантастических манипуляциях и махинациях, теперь сцепились с этим Кабановичем, целое шоу с разборками тут устроили. То на телевидении ток-шоу какое-то странное. Дешевый популизм. Вам не кажется, что вы слишком скандальный молодой человек для нашего института? — Она неодобрительно смирила меня взглядом.

Я, в свою очередь, отзеркалил ее взгляд и спросил:

— Лада Георгиевна, если не ошибаюсь? Простите, но вам какое дело до того, как я себя веду? Что-то не так? Что-то не нравится?

— Мне все не нравится, — сказала она, поджав губы. — Вы ведете себя слишком вызывающе. Такими аспиранты быть не должны.

Эти слова стали причиной изучить ее профиль подробнее:

Горбец Лада Георгиевна, 58 лет

7-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Зависть.

Зависть? Признаться, я удивился, но все же нашелся и хмыкнул:

— Насколько я знаю, аспиранты должны заниматься наукой. Научный руководитель ценит мой уровень и результаты исследований. И не вам, Лада Георгиевна, судить, каким я должен или не должен быть. Если не ошибаюсь, у вас на вашем шестом десятке всего лишь около тридцати статей, причем довольно слабеньких, да и индекс Хирша меньше, чем у любого аспиранта.

— Ну, знаете! — отозвалась она, вспыхнув, и, зло фыркнув, развернулась на каблуках и уцокала в противоположную сторону.

Ну вот, победа далась непросто: я хоть оставил последнее слово за собой, но в результате заимел еще одного врага. Впрочем, она первая полезла.

Но что-то она чересчур на меня взъелась. Это странно. Насколько я помнил эту Ладугу Георгиевну, она была довольно посредственным исследователем, хоть и защитилась с горем пополам, а держали ее на этом месте только за то, что она все педантично выполняла и вовремя сдавала отчеты. Статисты тоже ведь должны быть в любом научном учреждении. Так называемая серая масса. И то, что она вдруг напрыгнула на меня, говорит о том, что кто-то хорошо баламутит это тух-

ленькое болотце и настраивает людей. Я-то ей лично ничего плохого не сделал, а в прошлой жизни, насколько помню, даже иногда включал ее в какие-то свои статьи, потому что она была туповата и писать сама нормально не могла.

Ну ладно. Выбросив все это из головы, я немного подумал и пошел к нашим аспирантам. Раз решил налаживать социальные связи — нечего отнекиваться и выдумывать разные отмазки. Поплутав по коридорам, я вышел к аспирантской, втайне надеясь, что Лизы Перепечкиной там не окажется.

Открыв дверь, я удовлетворенно хмыкнул: Лизы, к счастью, и правда не было. В кабинете сидели только Артур, Вадим, Миша, а еще Леха, аспирант Ильясова, с которым мы тогда неплохо погудели. Парни вполголоса о чем-то спорили.

При виде меня разговор сразу стих, а Леха подскочил и радостно закричал:

— Ого, ты гля, какие люди!

Остальные поздоровались более сдержанно, но вполне дружелюбно. Явно Леха пользовался тут авторитетом, и его непосредственная реакция сгладила возникшую неловкость.

— Привет, — сказал я. — Слушайте, народ, а это правда, что вы тут маленький междусобойчик решили устроить?

— Есть такое, — удовлетворенно сказал Леха. — И почему это сразу маленький? Обижаешь, братюня. Будем гулять не по-детски.

— Ну это же просто гуд! Я в деле! Там по сколько, по четыре вроде сдавать надо?

С этими словами я подошел к Мише и выложил перед ним купюры.

— Хорошо, — буркнул он, засовывая деньги в коробочку, где уже неплохо так набралось налички. — Но надо еще добавить. Это же только на продукты, а за бухлишко денежка отдельно.

«Вот черт», — в сердцах чуть не выругался я, но вовремя сдержался. Налички у меня с собой почти не было.

— Остальное переведу вечером, — сказал я. — Дай свой номер.

Мы обменялись с Мишей телефонами, и я сказал:

— Только ты мне потом скажи, сколько конкретно надо.

Миша задумчиво поморщился, пошевелил губами, что-то прикидывая, и сказал:

— Ну, примерно где-то по полторы еще.

— Ни фиги себе, — беззлобно заметил я. — Мы собираемся только прибухнуть или закажем еще и стриптиз? — Но это я так сказал, больше в шутку.

Парни поняли правильно и дружно заржали. Идея явно понравилась.

— Да-а-а... а мы тогда славно погуляли, — хвастливо сказал Леха.

— Слушай, а что там с Елисеем? — спросил я.

Парни переглянулись и как-то сразу сникли.

— Да вообще ничего не понятно, Серега. Он же был вроде нормальным. Мы с ним утром работали. А потом у нас же

начитка лекций по философии. В общем, мы сходили на эту лекцию нормально, он сидел и все писал так старательно. На первую парту сел. Потом разошлись по домам. И тут, короче, мне с утра такую фигню сообщают. А чего, как — непонятно.

— Но он же нормальный был? — спросил я.

— Да, нормальный, как обычно, немного пришибленный.

— Да не пришибленный он, — поправил Леху Миша. — Просто такой человек.

— Ну да, — кивнул Леха.

— Слушай, а ведь мы смотрели твое выступление по телевизору, — сказал, хихикнув, Вадим Норкин, еще один аспирант Борьки Терновского.

— Да, я теперь звезда, — дурашливо задрав подбородок, поддакнул я, чтобы поддержать шуточный тон разговора.

И тут вдруг поднял голову Артур Кржаневский, который относился ко мне, да и ко всем остальным, очень свысока и держался максимально дистанцировано:

— Знаешь, Епиходов, — сказал он с легкой завистью. — Я вот чего не понимаю. Посмотрел я это ток-шоу. Кстати, и на то, как ты зачетно размазал в конце всех этих придурков, которых на тебя натравили, тоже обратил внимание. И слушал твой доклад, как ты разнес Лысоткина. И этот доклад сочинял явно не Терновский, а ты. И вот что я скажу: да ты на две головы выше всей нашей аспирантской биомассы.

При этих словах и Миша, и Вадим, и Леха скривились, но Артур предпочел не заметить и продолжил:

— И вот что меня удивляет: ты бы мог сейчас работать где-нибудь в Германии или даже в Австралии, а сидишь в какой-то забитой дыре и непонятно чем занимаешься. Перспективы там ноль. Здесь ты всех профессоров против себя настроил и хрен защитишься. Так скажи, Епиходов, что у тебя за стратегия? Хоть убей, не пойму.

В кабинете наступила пауза, и все вылупились на Артура, удивленно приоткрыв рты. Видимо, нечасто он с такими спичами выступает. Затем взгляды скрестились на мне. Надо было что-то отвечать, и я сказал:

— Ты понимаешь, Артур, с одной стороны, ты прав. Да, я мог бы хоть в Германии, хоть во Франции, хоть где работать. Это для меня не проблема. Я и практик, и хорошо теоретически подкован.

— А что раньше в науку не шел? — влез Вадим Норкин.

— Потому что у меня жена умерла, — пояснил я. — Ты же слышал на ток-шоу. И я после этого очень сильно пил.

Парни смущенно опустили глаза, чувствуя неловкость. А я продолжил:

— Но потом взял себя в руки, вышел из запоя и начал дальше строить свою жизнь. Вот решил в аспирантуру поступить, меня Терновский взял. Но это к теме не относится. Так что отвечу на твой вопрос, Артур, так. Да, я мог бы и в Париже сидеть или в Нью-Йорке — это не проблема. Но есть такое понятие... как бы пафосно это ни звучало: Родина. Я здесь родился, здесь всю жизнь прожил и вообще не

представляю, как брошу своих родителей и куда-то там уеду.

— Ну, ты же их все равно бросил, — задумчиво сказал Миша. — Ты же откуда там? Из Ижевска или откуда? А работаешь в Марий Эл.

— Из Казани, — поправил его я и продолжил отвечать на вопрос. — Да, но мне съездить в Казань — это машиной ну полтора часа, если спешить, а если так, то за два нормально доехать. Поэтому я могу к ним мотаться хоть каждый день при желании. Кроме того, у меня в Казани куча друзей, знакомых, и я держу руку на пульсе. Если что, они все мои проблемы помогают решить. А как я смогу это все осуществлять, если буду сидеть в какой-нибудь Африке?

— Ну и на что ты надеешься? На периферии никаких перспектив нет, — опять припечатал Артур.

— А вот здесь ты ошибаешься, Артур, — сказал я. — В Москве такая конкуренция, что продвинуться практически нереально, особенно если у тебя за спиной никого нет и никто не подтолкнет. Вы же прекрасно знаете поговорку о том, что посредственности пробьются сами. Вот именно они и пробиваются. А талантливые люди, как правило, проигрывают в конкурентной борьбе. Понимаете?

Парни кивнули, а я опять продолжил:

— А на периферии я царь и бог, и слава обо мне идет на сотни верст. Как говорится, все меня знают. А это репутация, тот самый задел, который поможет мне дальше. И лучше я буду на периферии самым-самым, чем в Москве каким-то

пожизненно захудалым лаборантом. Понимаете?

Парни задумались. Артур смотрел перед собой невидящим взглядом, явно обдумывая мои слова.

— Там же зарплаты маленькие, — невесело заметил он.

— Да маленькие, конечно. Так везде зарплаты у врачей маленькие, — пожал плечами я. — Это только если наработаешь опыт и откроешь частную клинику, тогда у тебя, может, и будет нормальная зарплата.

— Говорят, ты тоже какую-то частную клинику открываешь? — опять сказанул Вадим.

— Нет, не клинику. У меня свой санаторий.

— Ого! — Парни аж обалдели. — Нехило ты развернулся!

— Ну да. Таких брошенных санаториев по нашей стране много. И не только санаториев, есть и амбулатории, и многое другое. Так что вперед, мужики: берите, делайте, творите. И я думаю, что хорошего врача примут с распростертыми объятиями в любой точке нашей страны. Только надо выбирать именно то место, где ты нужен, а не то, где тебе хочется.

Я поболтал с ними еще немного о том о сем, и тут мне позвонила Маруся.

— Ладно, парни, бывайте, — сказал я и вышел из кабинета.

Ответив на вызов, сказал:

— Слушаю, Маруся.

— Сережа, ты знаешь, тут такое дело... — весело сказала она и интригующе замолкла.

— Какое?

— Да вот мы завтра идем с Борей в одну компанию и приглашаем тебя с нами. Боря говорит, что тебе надо побольше общаться с нужными людьми, а то ты совсем дикий. И вот завтра в семь часов вечера, мы перед этим созвонимся, заедем тебя забирать. Но ты имей в виду, что общество там не самое простое...

— Интересно, — оживился я. — А что там за такое не самое простое общество? Бандиты или министры?

— Ой, Сережа, тебе лишь бы шутить! Там в основном ученые с мировым именем и номенклатурные чиновники. Из министерства и такого прочего. Коллектив будет не очень большой, человек пятнадцать, может, чуть больше, но ты имей в виду, нужно быть прилично одетым и показать себя правильно.

— Буду, — сказал я, не зная, радоваться или огорчаться новой проблеме. Да и что я там забыл? Но ссориться с Борькой было не с руки, поэтому я просто сказал: — Спасибо, Маруся.

— Вот и ладненько, — сказала она и отключилась.

А я крепко задумался. Денег — кот наплакал, костюмчик у меня слишком уж простенький. В солидную компанию в такой одежде особо не пойдешь. И вот что теперь делать? Костюм нужен был обязательно. Причем приличный. Я совершенно растерялся и не знал, что предпринять.

Недолго думая, принял единственно правильное реше-

ние. Раз сложилась вот такая странная ситуация, то лучшее, что можно сделать, — это перезагрузиться. А для этого нужно смыть все проблемы.

А где можно это сделать? Правильно, надо идти в баню.

Самая лучшая баня в Москве, да и вообще во всей России, — это Сандуны.

Вот туда я — забрав наконец у заведующей аспирантурой справку, о которой впопыхах чуть не забыл, — и отправился. На последние деньги.

Глава 5

Сандуны...

Если меня спросят, какие самые лучшие бани во всей России, я сначала назову ту, которая была у меня на даче, а на втором месте — обязательно Сандуны. Это один из лучших банных комплексов, и меня туда всегда тянуло. В свое время мы с другом часто ходили. Ну, как часто — каждое воскресенье.

Сейчас же был вторник. Поэтому я надеялся, что людей будет мало, тем более в такое время — четыре часа вечера. Так что поехал в Сандуны сразу. Мыльно-рыльных принадлежностей у меня с собой не было, заезжать на Таганку далеко и долго, но я надеялся что-нибудь взять там, на месте, хоть и знал, что все стоит дорого. Да ладно, чего уж мелочиться, веник возьму, мочалку, кусок мыла — и мне хватит с головой. Жалко, что не было сменного белья и тапочек. Но ничего, как-нибудь обойдусь. По дороге я возле метро забежал в дешевый магазинчик ширпотреба и купил себе простые резиновые шлепки, как говорится, за две копейки.

Все, в баню я готов!

Настроение стремительно улучшалось.

Сами Сандуновские бани мне очень нравились, а вот подъезд по узким, извилистым улочкам всегда напрягал, особенно зимой, к тому же было неудобно вызывать из Сан-

дунов такси — не все соглашались подъезжать прямо к дверям. Часто машины останавливались где-нибудь подальше, и приходилось распаренному по холоду брести, искать это такси. Но сейчас меня привезли прямо к самому входу общих разрядов.

Черт, совсем забыл, что первый мужской, к которому я давно привык, по вторникам не работает, поэтому пришлось идти во второй высший. Но там тоже хорошо.

Я толкнул тяжелую дверь и вошел внутрь. Огромный зал, лепные карнизы с затейливой пестрой мозаикой, изображавшей то диких птиц, то гирлянды цветов, — все это сразу всколыхнуло в душе ностальгические нотки. Сдал в гардероб верхнюю одежду, получил номерок и отправился на второй этаж, где находилось непосредственно банное отделение. Зашел — и сразу получил на руку резиновый браслетик селадонного цвета и проволочную корзиночку для всякой всячины. Там я сообщил дежурному, что мне нужны хотя бы основные мыльно-рыльные принадлежности. Получил напрокат огромную темно-пурпурную махровую простыню, в которую можно было завернуть четверых таких, как я, купил кусок мыла, пахнущего лесной земляникой и еще чем-то очень приятным, что я так и не смог идентифицировать, и люфтовую мочалку.

Веник, сказали, выдадут уже там, в самом банном комплексе. Вооружившись всем этим, я разделся, обмотал чресла, словно римской тогой, этой простыней и, ощущая себя

Гаем Марцием Кориоланом на форуме перед плебеями, отправился в зал. Мне показали место за столиком, где я буду сидеть. Пока что там больше никого не наблюдалось, но мне было все равно, к тому же я сразу пошел в предбанник.

Он был огромный. Я наскоро принял душ и, оставив все барахло возле кабинки, нырнул в парилку. По дороге мне выдали крепко сбитый дубовый веник. Я сразу вернулся, хорошенько смочил его ледяной водой, затем положил в таз и доверху залил кипятком. Пусть распарится посильнее. А сам двинул наверх. Поднявшись по ступенькам, зашел в парную и сразу же вознамерился залезть на верхний полок.

Банщик увидел и предложил мне посидеть пока чуть ниже — раз я, во-первых, полный, а во-вторых, только пришел и еще не привыкший. Или, если уж на второй полок, то сесть рядом с продухой, через которую свежий воздух попадал внутрь парилки. Я согласился с его советом и решил пока устроиться внизу.

Через пару минут понял, что поступил абсолютно верно. Банщик начал нагнетать пар крайне усердно, нимало не беспокоясь о том, что такие, как я, новички могут не выдержать. Нет, он, конечно, процесс контролировал, но нагнетал и нагнетал пар, не переставая, так что вскоре некоторые мужики накрылись такими, как у меня, тогами прямо с головой. Так мы просидели некоторое время.

Пар густел с каждой минутой, да так, что вскоре казалось, будто это раскаленная магма заполнила пространство. Кожа

побагровела от невыносимого жара.

Тем временем дюжий банщик огромным, словно парус, веером подталкивал жгучий, пахнувший березовым листом, горькой полынью и медовой таволгой пар к каждому из нас, обходя всех по кругу, и это было очень здорово. Он сообщил, что сегодня пар алтайский, то есть на специальных травах. Я сидел и блаженно млеял в этом густом медовом тумане, пропитанном целебными травами и жарком, словно раскаленная печь. Тело расплзлось буквально на клочки, и это была такая сладостная истома, что выходить из этой нирваны совершенно не хотелось.

— Выходим на проветривание, — через некоторое время привычно сообщил банщик, и все дружно встали и торопливо потянулись к двери.

Я вышел в предбанник и первое, что сделал, — ухнул в большую купель с ледяной водой. Уф! Какое же это блаженство, когда твое тело только что буквально прожарилось на молекулярном уровне, и ты сразу прыгаешь в ледяную купель. Даже оргазм не сравнится с этим восторгом, эйфорией, которая переполняет тебя даже не на клеточном, а почти на атомарном уровне. Я, отфыркиваясь, выпрыгнул из бадьи.

— Тапочки не забудьте, — предупредил второй банщик, который строго контролировал обстановку и дисциплину. — Осторожно, скользко.

Обувшись, я дал себе передышку минут в пять, после чего снова напялил на голову войлочный колпак и пошел в па-

рилку.

В народе говорят, что баня выводит из организма шлаки, но в общем-то польза в другом. В жаре периферические сосуды расширяются, кожный кровоток растет в разы, пульс ускоряется, и организм включает охлаждение через пот. По эффекту — отчасти как умеренная аэробная нагрузка, только без работы мышц. А контрастная купель тут же откатывает все обратно: сосуды резко сужаются, пульс подскакивает, и за один цикл «жар — холод» сосудистая стенка получает ту тренировку, которой ей не хватает в современной офисной жизни.

В исследованиях регулярное посещение той же сауны связывают с лучшей сосудистой функцией и меньшей сердечно-сосудистой смертностью. Финны лет десять назад прогнали выборку на двух с лишним тысячах мужчин — те, кто в сауну ходит часто, умирают от сердечных причин реже. Только связь — это еще не причина. Может, дело в самом тепле, а может, в том, что любители бани в целом следят за собой. Кто знает.

Но что я знал точно, что баня хороша не подвигом или соревнованием «кто дольше просидит», а умеренностью и регулярностью. Тем более, если сердце уже пошаливает, лучше выйти раньше и остаться живым, чем красиво всех пересидеть и упасть от инфаркта.

— Может, вы глотнете нашей травяной настойки? Тоже алтайской, — предложил еще один банщик.

Я осмотрелся: чуть поодаль стоял длинный стол, на котором ожидали ряды стаканов с чаем. Тут был и горячий травяной взвар, и холодный. Мужики подходили, в два-три глотка выпивали и опять возвращались в парилку. Я поступил так же: взял холодный настой и выпил. Травяная взвесь лихо ухнула по разгоряченному пищеводу, и блаженство второй волной накрыло меня. Боже, после горячего распаренного воздуха как приятно глотнуть холодной травяной настойки, от которой аж зубы сводит, а во рту остается привкус меда и мяты.

Вернулся в парилку, а там на второй заход банщик посоветовал сесть повыше, как я привык. Я послушался, но все равно предпочел не самые горячие места. И опять банщик начал нагнетать пар, доводя температуру почти до невыносимой.

Затем наступила очередь париться, и я предпочел вариант по-пушкински, то есть контрастное пропаривание дубовыми вениками на подстилке из пихтовых лап с последующим растиранием пихтой и льдом. По моему карману дорого было — жуть, но до конца поездки, по моим прикидкам, денег должно хватить, а если нет... Что ж, пойду сдаваться Алисе Олеговне и просить аванс.

Передо мной был еще какой-то мужичок, которого как раз положили на распаренные пихтовые лапы, и два дюжих банщика принялись свирепо хлестать клиента в четыре руки. Мужик млел, и даже сил сопротивляться и демонстрировать

хоть какие-то эмоции у него больше не было. При этом все мы дышали этим насыщенным и вязким хвойным паром с превеликим удовольствием.

Я тем временем не выдержал и опять выскочил на несколько секунд окунуться в ледяную купель, после чего наступил мой черед. Меня положили на пихтовые лапы, причем они не кололись, были мягкими и душистыми. И мое уже растекшееся до состояния теста тело принялись рьяно хлестать, лупить, истязать дубовыми вениками. Били в четыре руки, то есть в четыре веника. Каждое прикосновение, каждый хлесткий взмах горячих дубовых прутьев отзывались в моем теле невыносимо-сладостной, изнывающе-тягучей болью. От которой хотелось то ли плакать, то ли смеяться. Столь невыносимо-приятным оказался восторг.

Это было действительно здорово! Банщики прошлись практически по каждой мышце, по каждой косточке, от пяток и аж до самой шеи. Избив так, что, кажется, живого места не осталось, меня протерли снегом, от которого кожа мгновенно покрылась пупырышками, а затем сразу же отхлестали раскаленными дубовыми вениками еще раз. Я задыхался от счастья, чувствуя, как вся усталость и несчастья куда-то уходят вместе с обильным потом.

— На выход! — велел банщик, и я послушно поплелся наружу. Сил на сопротивление и на любые желания больше не было.

Там меня подхватили могучие руки, снова уложили на ка-

кой-то стол и принялись то заливать ледяной водой, настоящей на грейпфрутах и можжевельных ветках, то снова хлестать, но уже не сильно, а еле-еле, в качестве легкого массажа. Я немного полежал, отдышался, и когда в голове стало ясно — тело словно возродилось. Меня опять затащили в парилку и еще раз от души люто попотчевали теперь уже пихтовыми вениками, а напоследок окатили ледяной водой.

И я родился заново.

Полумертвый после такой приятнейшей и восхитительнейшей экзекуции я вышел в зал немного передохнуть и устало плюхнулся за свой столик. Ко мне тут же подбежал официант и спросил, чего желаю.

На столе лежало меню, и я сразу же возжелал вкуснейшего бруснично-клюквенного морса, который делают только в Сандунах. Всегда любил здесь две вещи: морс и квас. Квас тоже был такой ядреный, настоявшийся, но я решил начать с морса. Заказал самый большой стакан и, пока ждал официанта, крепко задумался. Как сейчас все правильно сделать? После банного жара с таким свирепым парением все проблемы стали настолько ничтожными и отошли на задний план, что я больше не изнемогал под их гнетом.

— Здравствуйте, — раздалось надо мной, и я тут же вынырнул из задумчивости. — Не занято?

Я посмотрел вверх, и у меня чуть челюсть не отпала: прямо передо мной стоял Павел Валентинович Чемоданников, мой закадычный друг из той, прошлой жизни. Пашка рабо-

тал завгаром, его жена, Симочка, была лучшей подругой моей Беллы, а мы с ним каждое воскресенье ходили сюда, в Сандуны. Не знаю, как посчитать: то ли это действительно, как говорил Петров-Чхве, колесо сансары и карма, то ли еще что-то, но то, что он пришел именно во вторник, да еще в то же время, что и я, и подсел именно за этот столик, иначе как огромным сюрпризом от Вселенной назвать было нельзя. Здесь, правда, следует отметить, что практически все столики с диванчиками были заняты, и только мой, самый последний в углу, оставался свободным.

— Садитесь, садитесь, — сказал я, пытаюсь сдержать рвущуюся наружу радость. — И здравствуйте!

Я был настолько счастлив видеть своего старого друга, что, видимо, глупая улыбка таки наползла на мое лицо.

Чемоданников Павел Валентинович, 65 лет

Прозвища: Пашка, Чемодан, Завгар.

8-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Равнодушие.

Чемоданников с подозрением глянул на меня, но никак не прокомментировал.

— Хорошая сегодня парилка, — буднично заметил он, лишь бы поддержать разговор.

— Да, — согласился я. — А вы, наверное, не попали на первый алтайский пар? Что-то я вас не видел в парилке.

— Да вот только пришел и успел только разочек туда зайти, да и то ненадолго. Сердечко иногда пошаливает: то будто пропустит удар, то двинет лишний раз, как кулаком изнутри. Стараюсь не геройствовать — посижу пониже, окунусь, еще разок зайду. А не ходить — никак, потому что не могу отказать себе в этом удовольствии, — пояснил он и замолчал, так как в это время подошел официант, который принес мне стакан клюквенного морса, а ему — ядреного кваса.

— Ваше здоровье, — сказал Пашка, улыбнувшись, отсалютовал мне стаканом кваса и надолго припал к нему.

Я ответил тем же и начал пить морс. Вкуснейший из всех, что я когда-либо пробовал. Он особенно хорошо шел после парилки. Острая, густая кислинка, в которой так сейчас нуждался мой измученный банными процедурами организм, мгновенно потушила пожар, который еще немножко тлел внутри меня. И я, отдуваясь, с облегчением откинулся на спинку диванчика.

Вот теперь воистину хорошо.

Но вот слова Пашки про «сердечко пошаливает» меня напрягли, благо мне теперь Система заменяет результаты анализов.

Диагностика завершена.

Основные показатели: температура 37,1 °С, ЧСС 98 (нерегулярный), АД 145/92, ЧДД 18.

Обнаружены аномалии:

- частая мономорфная желудочковая экстрасистолия, эпизодами бигеминия, одиночные парные;
- артериальная гипертензия II ст., нелеченая;
- гиперхолестеринемия;
- хронический простатит, латентное обострение.

Читая, я хмурился все больше. Случай с Пашкой был самый что ни на есть классический — мужику за шестьдесят, всю жизнь он на работе и за рулем, давление никто никогда не мерил, кардиограмму делал в последний раз, скорее всего, в прошлом веке. А ведь бигеминия — это когда нарушается сердечный ритм и каждый второй удар является преждевременным — у Пашки дошла до того уровня, когда он начал ее чувствовать.

Такое важно не пускать на самотек, потому что это нынче успешно лечится. И даже если понадобится операция, та же катетерная абляция, то это малоинвазивная процедура, когда через сосуд, обычно в паху, в сердце проводят тонкий катетер. Врач находит участок, откуда идут неправильные электрические импульсы, и точно «выключает» его. Обычно радиочастотным нагревом или заморозкой.

Ну и простатит, но тут просто нужно к урологу, тот выявит причину воспаления и назначит лечение.

Нужно как-то донести это до Пашки, но как? Я для него никто, просто толстый голый мужик, которого он встретил в бане. С чего ему мне верить?

Тем временем Пашка сидел и рассматривал то зал, то окружающих людей, то потолок. Видно было, что ему ужасно скучно, а найти тему для разговора он не может. У меня тоже не получалось: о чем можно разговаривать с якобы незнакомым человеком? Пашка же не знал, что я — это я.

Но это решаемо.

Я якобы удивленно посмотрел на него и спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы, случайно, не Чемоданников?

— Чемоданников, — еще более удивленно сказал Пашка.

— Павел Валентинович?

— Ну да, а вы откуда меня знаете?

— Да вот присмотрелся и понял, что знаю вас. Представляете, я ученик Епиходова, Сергея Николаевича. Меня, кстати, тоже зовут Епиходов Сергей Николаевич, его полный тезка. Сейчас работаю с его дочерью Марусей в его научной школе в НИИ нейрохирургии. Мы очень много с ним общались, и он мне когда-то даже показывал семейные фотографии. Я запомнил ваше лицо, память у меня почти идеальная. Сергей Николаевич рассказывал, что вы Чемоданников, что у вас золотые руки, а жена у вас Симочка.

— Вот это да! — Челюсть у Чемоданникова буквально отпала. Он несколько мгновений изумленно пялился на меня, а затем опять жадно припал к стакану. — А что он еще говорил? И как это? Почему я тебя не знаю? — Он сразу перешел на ты. В этом был весь Пашка, который проработал всю жизнь завгаром и никогда не церемонился.

— Да мы часто общались, когда он в Казань приезжал, — сказал я. — Я-то из Казани, тоже работаю нейрохирургом. А сейчас поступил в аспирантуру к профессору Терновскому.

— К Борьке? — удивленно сказал Пашка. — Ну, это вообще такое, даже кому скажи — не поверят. Расскажу вечером Симочке — она обалдеет.

Я улыбнулся:

— Да, жизнь такая непредсказуемая штука...

— Эх, был у меня такой дружанин хороший, Серега. Знаешь, мы с ним сколько в баню ходили! — сказал Пашка, ударившись в воспоминания. — И к нему на дачу в баню ездили, и к моему свояку. Он в деревне живет, у него хорошая баня по-черному. Но больше всего мы с ним любили ходить сюда, в Сандуны, только по воскресеньям. А сейчас в воскресенье я не могу: к нам гости должны приехать, вот Сима и отпустила меня во вторник. Ну, так получилось...

Он вздохнул и удрученно покачал головой:

— Короче, скажу так: очень жаль, что мой дружбан Серега так рано умер. Не должен был он умирать. Здоровый лоб, всегда занимался своим здоровьем, работал, жил на полную катушку — и тут на тебе! Какая-то хреновина в голове. Он согласился на эту долбаную операцию и уже из нее не вышел. А я считаю, не надо было ему ложиться под нож, — резко сказал Пашка и так сердито хлопнул стаканом по столу, что удар прозвучал глухо и часть кваса расплескалась.

Я кивнул, будучи абсолютно солидарен со старым другом.

Мне теперь тоже казалось, что если бы я тогда не согласился на операцию, до сих пор жил бы спокойно.

Хотя, с другой стороны, а почему я должен об этом жалеть? Ведь я попал в молодое тело и могу начать жизнь заново. Да еще у меня теперь есть волшебная Система. Ну остался бы я в прошлой жизни, сколько активных лет мне оставалось? Может, год, может, десять, но не больше. А так впереди еще как минимум лет сорок, а то и больше, нормальной, полноценной и, я надеюсь, счастливой жизни.

— И странно умер Серега, — сказал Пашка, выводя меня из задумчивости. Обнаружив во мне соратника своего друга, он начал изливать накипевшее. — Я же его тогда уговаривал. А все началось с того, что он женился на этой сучке. Вот не надо было! Эта дрянь такая... Эх! У него ведь до Ирины была хорошая баба, Белла, прямо шик, а не баба. Золото! Ну так найди ты другую похожую. Там у него лаборантки были такие, что ух, — одна такая жопастенъкая м-м-м... А зачем ему сдалась эта молодая вертихвостка? Ну вот и результат. Где теперь Сергуня? Нету его. Зато эта тварь теперь как королева в его квартире, все ей досталось, и на все его счета она лапу наложила. Надюха говорила, детям его вообще ничего не перепало. Представляешь, вообще ничего. Как он мог ни завещания не написать, ничего... — все ворчал и ворчал Пашка.

Я слушал его, и на сердце становилось все тяжелей и тяжелей. Вся та легкость, которую принесло первое банное па-

рение, начала уходить, и я понимал, что да, накосячил в прошлой жизни по-крупному. Но ничего, я еще все изменю.

— И ты знаешь, — сказал вдруг Пашка, — когда началось расследование, приходили от адвоката мужики, я им все рассказал. А недавно мне сама Ирина вдруг позвонила и просила срочно встретиться, а я не стал. Не хочу. На хрен она мне нужна. Мерзкая баба, от нее можно ожидать всего...

Мы еще немного поговорили, дважды сходили вместе в парилку. Я все хотел расспросить его про обстоятельства смерти академика, но наобум брякать было неудобно.

В парилке Пашка действительно садился пониже, сидел недолго и выходил раньше других — без геройства, как и говорил.

Я наблюдал за его состоянием на всякий случай. Пульс у него возвращался к норме дольше, чем у мужиков рядом такого же возраста, и при контрастной купели проскакивали те самые перебои сердечного ритма.

Когда время вышло, я начал прощаться. И в последний момент, уже у выхода, решил, что добился достаточного доверия и можно сказать то, что хотел.

Остановившись, я обернулся:

— Павел Валентинович, послушайте. Я вам одну вещь скажу, вы только не отмахивайтесь, потому что это серьезно.

— Слушаю, — кивнул он.

— Сходите к кардиологу. Не к терапевту в поликлинику, а к нормальному. Объясните, что чувствуете, как «сердце

шалит». Попросите ЭКГ, эхо и, главное, холтер на сутки. И биохимию пусть проверят вам: холестерин и глюкозу. Если в роду у мужиков были ранние инфаркты — обязательно скажите врачу. В баню ходите на здоровье, только без подвигов. На верхний полоч не лезьте, между заходами отдыхайте подольше. И с кваса и пива переходите на травяной чаек, ту же ромашку или пустырник. Успокаивают. А кофе, если пьете, пока уберите, до приема у кардиолога.

— Да чего я туда попрусь? — отмахнулся Пашка. — Симочка тоже каждый день песни поет, мол, сходи да сходи. А зачем? Я свой организм лучше любого доктора знаю.

— Это и страшно, — сказал я. — Когда человек начинает чувствовать свое сердце регулярно, это уже сигнал. Такое часто заканчивается резко, без предупреждения, Павел Валентинович. Поэтому сделайте, что я вам сказал, прошу. Не бойтесь, ничего смертельного у вас не найдут, но пропишут то, что продлит вам жизнь на десятилетия.

Чемоданников внимательно посмотрел на меня и кивнул:

— Ладно. Сделаю, Сережа.

Мы обменялись контактами и договорились, что в следующий раз, когда соберемся попариться, помянем академика Епиходова.

А я развернулся и пошел в раздевалку, к своему шкафчику. И уже за несколько шагов до него услышал, как разрывается мой телефон. Но добежать не успел: пока дошел, пока открыл, звонок прекратился.

Я взглянул на экран и изумленно хмыкнул — четырнадцать пропущенных от Ирины.

Интересно, что от меня понадобилось бывшей жене?

Глава 6

Перезвонить Ирине я не успел, хотя, положив руку на сердце, не очень-то и хотелось: после бани настроение все равно было расслабленно-умиротворенное, и портить его общением со склочной бабой совершенно не тянуло. Господи, как же я мог когда-то на ней жениться? Где были мои глаза?

Я неторопливо одевался, обдумывая, как же быть в этой ситуации, когда мне снова позвонили. Мельком взглянул на экран... и бровь поползла вверх: звонила Сашуля. Мы же с ней буквально перед баней разговаривали, что опять случилось?

— Я вас внимательно слушаю, Александра Ивановна, — сказал я, ответив на вызов. — Что случилось?

— Ну... — замялась она. — Я же обещала вам перезвонить, после того как съезжу домой, заберу вещи и поговорю с Чепайкиным.

— О-о, даже так. Рассказывайте.

— Ох... Столько у нас всего произошло, что даже не знаю, с чего начать, — призналась Александра Ивановна.

— Тогда начните с самого важного.

— Ага, самое важное... Самое важное то, что один из мужиков очнулся...

— Подождите, каких мужиков? — не сразу сообразил я. И тут вспомнил: тех, что наглотались Vasorelaxin-X. — Смир-

нов, что ли?

— Нет, там же еще двое было. Собутыльник его пришел в себя, Колян его зовут, вот он и очнулся.

— И как он?

— Да как-то странно себя ведет: никого не узнает, только сидит и смотрит в одну точку.

— С ним все нормально? — Я сдерживал волнение и привычно начал перечислять. — Вы пытались с ним разговаривать? Какая температура? Давление?

— Да-да, Сергей Николаевич, конечно же, я все проверила. Так вот, там все абсолютно нормально. Представьте, все показатели в норме. Я даже кровь у него на сахар на всякий случай взяла, посмотрела — тоже в норме. Но он уже несколько часов просто сидит и ничего не говорит.

— То есть он помешался? Препарат свел его с ума? — Я не на шутку встревожился.

— Я не могу этого сказать, потому что он ничего не отвечает, никак не реагирует, просто сидит и пялится в одну точку.

— А вы ему давали попить, поесть?

— Нет, пока ничего не давали. Решила понаблюдать. Дождусь Самарцева, и тогда уже вместе подумаем, что делать дальше.

— А где они сейчас, мужики эти? — спросил я.

— Да мы их завезли в санаторий, у нас там уже есть отремонтированные комнаты. Поставили в одну из них ста-

рый обогреватель, стало более-менее тепло. Накидали на пол матрасов, и они все там сидят.

— Слушайте, так они там не загадят нам ничего?

— Да вроде нет, мы же по очереди за ними наблюдаем. И Тайра Терентьевна рядом — а она такая, что, если надо, их всех троих построит. Потому что, понятно, оставлять их в том доме было нельзя.

— Ну, это да, — согласился я.

«Пора возвращаться, самому смотреть», — подумал я, но вслух спросил совершенно о другом:

— А еще какие у вас новости? Удалось нормально забрать вещи из дома, Александра Ивановна? Проблемы какие-то были?

— Да вы представляете, Сереженька... то есть Сергей Кузьмич... Ачиков... Он, конечно, начал возмущаться...

— В каком смысле «начал возмущаться»? — не понял я.

— Ну, что я перешла к вам на работу, еще что в той операции с Сотниковым участвовала. Ачиков сказал, что уже инициировал проверку из Минздрава, так что через два дня к нам приедут. Но я, честно говоря, очень сомневаюсь, что они прям перед Новым годом сюда сорвутся. Если, конечно, Сережа не попросит своих знакомых ускорить дело. Я так примерно думаю, что все это начнется уже после рождественских праздников. Хотя кто их знает. А еще он угрожал, ну, в смысле, пытался меня толкнуть, но Прохор Евграфович его тоже пихнул и, в общем, вот... — Она запнулась и

замолчала.

— Они что, подрались? — изумленно спросил я.

— Ну, я бы так не сказала, что прямо подрались. Но Прохор Евграфович его так толкнул, что Сережа повалился на диван и больше уже не вставал, помешать мне не пытался.

— Понятно, — озадаченно сказал я.

— Я просто забрала свои вещи, а еще мы с Прохором Евграфовичем вынесли мой телевизор. Сергею Кузьмичу это очень не понравилось, но у нас же во флигеле телевизора нет. А так бы хоть на кухне поставили — мы, пока едим, могли бы смотреть. Мы же с Ниной Илларионовной, как оказалось, смотрим один турецкий сериал «Пламя любви и ветер местности», очень толковый. Кстати, и Элен тоже его смотрит. А сейчас не получается смотреть, уже двадцать четыре серии пропустили, это же ужас.

— Ну да, — согласился я. — Не досмотреть сериал — это, конечно, ужас.

— Ох, не говорите. Тем более там вторая сестра тоже исчезла...

— Так что там Чепайкин? — перевел я мысли Сашули в более конструктивное русло. — В смысле, почему он тетю Нину бросил?

— Ах да, с Чепайкиным я тоже поговорила.

— И что?

— А ничего. Он конкретно ничего не говорит. Когда я начала его расспрашивать, выскочил и сказал, что это не

мое дело, точнее, даже не так: не мое собачье дело. Ну, вы же знаете Чепайкина, какой он.

— Понятно, что ничего не понятно, — пробормотал я.

— А Наиль уехал в Йошкар-Олу, так что я тоже ничего сказать не могу. Ева сейчас в Казани. Ну а Элен вот вернулась и продолжает заниматься по вашей программе плюс мои процедуры. Говорит, что давно себя так хорошо не чувствовала. Вы бы видели, какой забор она там воздвигла! — Сашуля хохотнула. — Из снега! Прохор Евграфович хотел было помочь, но она не пустила. Сама все.

— Понятно. То есть у вас, в общем, все нормально. На всякий случай присмотрите за теми мужиками внимательнее. Записывайте все показатели в журнал, я приеду — анализирую. И, если этот Колян пришел в себя, его, наверное, надо покормить...

— Ну да, покормим. Я потом вам отчитаюсь, — сказала Сашуля, и мы распрощались.

Да, дела. И вроде бы нужно поскорее к ним, пока без меня там еще что-то не случилось, но права была Алена Петровна, у меня и в Москве есть важные дела. К примеру...

Черт, завтра же обещал вечером пойти в гости вместе с Борькой и Марусей! А нормального костюма у меня и нет. И денег тоже нет.

Недолго думая, я позвонил Алисе Олеговне.

— Алло, — откликнулась она недовольно.

— Алиса, привет! — сказал я. — Извини, что поздно,

но...

— Да, поздно, Сергей, — холодно произнесла она. — Я уже собиралась отдыхать, у меня, между прочим, ванна с коллагеном остывает, и не хочу ничего неприятного слышать на ночь глядя. Что опять случилось?

— Алиса, можешь скинуть мне тысяч триста-четыреста на карту? В счет тех дивидендов, которые обещала начислить в январе.

— Что, прижало? — едко спросила она.

— Прижало, — не стал отрицать я. — Дорогой город, Москва.

— Так ты там, что ли? — Голос ее потеплел, я прямо увидел, как она улыбается. — Хорошо, сейчас пришлю. Крутишь мной, как хочешь, Сережа!

— Спасибо!

— Пожалуйста, — буркнула она и отключилась.

Минуты через три, когда я заканчивал одеваться, пришло банковское уведомление о пополнении карты на полмиллиона рублей от Юмашевой А. О.

Вот и славно. Как там оно дальше будет — посмотрим, но сейчас деньги есть и в кредиты лезть не придется.

Рассчитавшись за Сандуны, я собрался было домой к Алене Петровне, на Таганку, когда мне снова позвонили.

И на этот раз Ирина. Как бы мне ни хотелось сбросить звонок, поговорить было нужно. Выясню, чего она добивается, уж больно назойливо пробивается, а заодно попробую

сам сблизиться. Пора уже начать копать самому, а не надеяться только на Караянниса.

— Слушаю вас, Ирина Павловна, — сказал я, отвечая на вызов, но демонстративно выбрав формальный стиль разговора.

— Сережа, ты почему не отвечаешь? — весело спросила она. — Ты же в Москве?

Видимо, от того, что она наконец дозвонилась, голос у нее звучал куда приветливее, чем мог бы после четырнадцати пропущенных. В той жизни она бы уже верещала в трубку.

— Да, Ирина Павловна, в Москве, — не стал отрицать я.

— Я уж думала, ты совсем пропал в этих своих Норках!

— Да в бане я был. В парилку с телефоном не ходят, так что вы уж извините.

— Мог бы и сам перезвонить! — предъявила она. — А где парился?

— В Сандунах.

— В Сандунах... — задумчиво повторила она. — Ну ладно, ты молодец, мой покойный муж тоже там частенько бывал. Медом вам, что ли, там намазано, Епиходов? Ладно, слушай, у меня к тебе разговор. Нетелефонный.

— По поводу? Случилось что?

— Ничего пока не случилось, в том-то и дело, — ответила Ирина. — Но давай поужинаем. Сегодня же! А то знаю я тебя, завтра опять свалишь в свои Горки.

Подумав недолго, я ответил:

— Да, давайте встретимся, Ирина Павловна, раз такое дело. А то и правда, вдруг придется резко срываться в Морки, а я голодный.

— Ха-ха, очень смешно, — моментально надулась она и спросила капризным голосом: — А что, если бы не дело, не стал бы встречаться? А я думала, что нравлюсь тебе.

Черт, чуть не слил всю легенду. Так, надо срочно исправляться, ведь причин ехать много.

— Нравится так, что... — начал я говорить и запнулся, пытаюсь понять, как она мне «нравится», и не соврать, — теряю дар речи от одной мысли о вас, Ирина Павловна. Вот не поверите, взял бы вас, да как... — «Придушил», — подумал я, — расцеловал!

Она заливисто рассмеялась, после чего вкрадчиво спросила:

— «Эрвин» на Патриках знаешь?

— По карте посмотрю.

— Подъезжай туда через часик, я скоро там буду.

Так... Зная запросы Ирины, я предположил, что этот вечер в «Эрвине» обойдется мне тысяч в двадцать, не меньше. А я сейчас меньше всего желал потакать капризам твари, приложившей руку к моей смерти и оставившей моих детей ни с чем. Ладно, будем импровизировать. Заодно проверим, насколько ей важна встреча.

— А знаете, Ирина Павловна, — сказал я, — я передумал. Понимаете, я же нищий аспирант, доктор районной больни-

цы, причем снова уволенный. У меня на карте денег — только на метро. До зарплаты бы дожить. Какой, блин, мне «Эрвин» на Патриках?

Она засмеялась еще заливистей, как будто я очень остроумно пошутил. Или так, как смеются люди, которые никогда не считали деньги.

— Сережа, тогда я тебя приглашаю, — сказала она, успокоившись. — Не дури. Тебе ничего платить не надо, я угощаю. Это деловой ужин — у меня к тебе и в самом деле разговор. По нашим с Сергеем Николаевичем делам.

— Хорошо, — согласился я. — Подъеду.

— Через час, — повторила она. — Я уже еду.

И отключилась.

Я постоял перед зеркалом гардероба, глядя на себя. Черт, одет я, конечно, не для пафосного ресторана. Завтра еще идти в гости с Марусей и Борькой... Может, заехать по-быстрому в торговый центр и взять какой-нибудь костюм? Нет, завтра займусь, а Ирина с «Эрвином» как-нибудь перетерпят меня и в не новом пиджаке.

Интересно, что Ирине от меня понадобилось? Деньги по гранту? Архивы академика? Или что-то, ради чего она звонила Пашке Чемоданникову? А может, и кому-то еще? От Пашки она получила отказ... и двинулась дальше по списку знакомых покойного мужа? То есть моих знакомых?

Я тряхнул головой. Ладно. На месте разберемся.

Вызванное такси подобрало меня на Неглинной, когда

я через сугробы выбрался к парадному. Водитель попался молчаливый, и я был ему благодарен.

Через пару минут пути Ирина прислала сообщение: «*Что будешь пить?*». Я ответил, что минералку.

Потом тупо смотрел в окно, считал светофоры и пытался не думать. Шел крупный декабрьский снег большими хлопьями, такой, что полчища дворников не успевали убирать.

Патриаршие. Я в этом районе когда-то бывал частенько и помнил его до последнего перекрестка. Сейчас за окном такси мелькала чужая, дорогая Москва: золотые елки в витринах, охрана у входа в бутики и море разноцветных огней. Пафос и деньги. Странно, но я не чувствовал себя абсолютно чужим, и дело было не в жизненном опыте прошлого тела.

Просто я знал, что хирург моей квалификации даже без Системы будет богатым и влиятельным членом любого общества, будь то наша страна, Америка, Азия или Европа. И я всегда могу пойти по этому пути — к примеру, наработав имя в науке, можно поехать на работу в те же Штаты, где с хорошими докторами большая напряженка. Нет, их много, конечно, но мало именно хороших для огромной страны с тремястами с лишним миллионами населения, а потому нейрохирург моего уровня, как правило, миллионер.

И вот это осознание помогало смотреть на весь этот лоск Патриков спокойно и без стеснения. Неважно, во что я одет, важно, кто я есть, а, судя по девятому уровню социальной значимости, я-Сергея уже явно выбился из разряда обычных

людей...

К «Эрвину» мы подъехали с обратной стороны, и водитель свернул в Большой Патриарший.

Еще из машины я заметил нарядный павильон у воды, гирлянды по контуру и двух бравых швейцаров в пальто с золотыми нашивками на входе.

Расплатившись, я вышел из такси. Под ногой хрустнул свежий слой снега, и я зашагал внутрь, где сдал куртку, сунув вязаную шапочку в карман.

Хостес — высокая девушка в черном платье, с гладко собранными волосами — дежурно улыбнулась, хотя эмпатический модуль сдал ее с потрохами: мне здесь были отнюдь не рады.

— Добрый вечер, — сказал я. — Меня ждут, столик, возможно, записан на Ирину Епиходову.

— Ирина Павловна, — сдержанно кивнула она. — Конечно. Прошу за мной.

Меня не удивило, что Ирину здесь хорошо знают. Готовить она никогда не любила, а значит, минимум дважды в день ей требовалось где-то питаться.

Хостес поплыла вдоль зала, и я направился за ней.

В ресторане царила теплая и почти интимная из-за приглушенных огней атмосфера; за большими окнами чернела вода пруда под елками. Даже звяканье столовых приборов и шум разговоров не нарушали пафосный вайб. Публика была смешанная: пожилая чета у бара, семья с ребенком в уг-

лу. Ничего особенного, кроме того, что на стоимость бутылки вина, которое здесь подавали, семья Полины Фроловой в Морках жила бы месяц.

Хостес повела меня не к окну, а под балкон, в дальний угол. В такие места обычно сажают тех, кто не хочет быть на виду.

Я сделал еще пару шагов и понял почему.

За столом сидели трое.

Спиной ко мне виднелся знакомый затылок Лысоткина с зачесом, а рядом — пухлощекая физиономия Михайленко. На дальней стороне стола лицом к залу в черном платье с тонкой золотой цепочкой на ключицах сидела Ирина.

— Здравствуйте, — сказал я.

Увидев меня, она поднялась, мягко улыбнулась, повела рукой в сторону свободного стула напротив.

— Сережа, ну наконец-то! Иди сюда. Мы тебя ждали.

Епиходова Ирина Павловна, 36 лет

4-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Презрение.

Лысоткин обернулся. На лице у него растянулась радушная улыбка:

— А вот и он. Тезка трагически ушедшего товарища, соратника и единомышленника Епиходова.

Лысоткин Казимир Сигизмундович, 62 года

5-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Враждебность.

— А еще очень перспективный ученый! — заметила Ирина.

— Присаживайся, Сергей, — сделал Лысоткин пренебрежительный жест рукой, — не мельтеши.

— Садись давай, — добродушно предложил толстяк Михайленко. — Ох, не каждый день у нас за столом собирается такое общество ради одного аспиранта.

Михайленко Роман Александрович, 52 года

7-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Расчет.

Изучив их профили, я мысленно хмыкнул. Паразиты на обществе, как есть паразиты. «Познание сути» вскрыло их, как нож устрицу, обнажив доминирующее отношение ко мне. Что ж, тем интереснее будет сыграть с ними в ту игру, что они затеяли. Эмпатический модуль дополнил картину: в Ирине боролись презрение и странный интерес на грани с симпатией; Лысоткин был враждебен, но в то же время связывал со мной какие-то свои предполагаемые успехи; Михайленко... Михайленко лично я был по барабану, но в то же время нужен.

Понятно. Садясь рядом с Ириной, я сказал:

— Мне казалось, ужин на двоих, Ирина Павловна, а у вас тут целый спецсовет...

— Сережа, не обижайся, — мягко улыбнулась она. — Просто я подумала, что пора тебе познакомиться с действительно важными людьми в более комфортабельной обстановке, чем стены института. Ты уж поверь, Казимир Сигизмундович и Роман Александрович были самыми близкими товарищами моего покойного мужа, чьим таким рьяным фанатом ты неожиданно для нас всех оказался. Пора вам уже пообщаться по-человечески. Да, вы и раньше виделись, да вот на той же конференции, но это не знакомство, а перестрелка какая-то. Бои без правил. Признайся, это тебя Борька Терновский натравил, да? А ведь мой покойный муж должен был тебя научить, что с людьми надо уметь разговаривать, а не ссориться.

«С людьми!» — мысленно поправил ее я, но вслух сказал:

— Конечно, Ирина Павловна. Я всегда за конструктивное общение.

— Перестрелка, — хмыкнул Лысоткин. — Скажете тоже, какая там перестрелка, Ириша. Это был обмен научными аргументами. Сергей, как я понял, парень темпераментный, я тоже погорячился. Зато сегодня можем пообщаться мирно. Почтить, так сказать, память общего друга.

Он протянул мне руку через стол и жеманно представился:

— Казимир Сигизмундович, — сказал он и с той же радушной улыбкой выдал абсолютную ложь: — Очень рад знакомству.

— Сергей Николаевич, — ответил я, пожал его руку и тоже соврал: — Взаимно.

Потом процедура повторилась с Михайленко, разве что толстяк играл роль совсем уж простака, которому плевать на никчемные вопросы науки и первенства в исследованиях, и я этот его прием очень хорошо знал по прошлой жизни.

— Ой, ребята, ну к чему эти споры, — сказал он. — Давайте покушаем, выпьем, а хороший разговор сам по себе польется вместе с хорошим вином, ха-ха!

А я под столом, застеленным длинной скатертью, незаметно и тщательно вытер руку салфеткой.

Стол был накрыт на четверых: четыре прибора, четыре бокала, три из них с белым вином, один пустой — мой. У моего прибора стояла бутылка минералки и стакан с долькой лимона.

— Сереж, что будешь есть? — протянула мне меню Ирина. — Я тут позволила себе салаты заказать на всех. А горячее давай выбирай уж сам. — Она хихикнула. — Казимир и Роман все оплачивают, так что не стесняйся!

Взяв меню, я открыл его на странице с горячим. Самое дешевое блюдо обошлось бы мне в три тысячи рублей.

— Дораду на гриле, — сказал я.

— Отличный выбор, — кивнул Лысоткин. — Я тоже ее

взял. Хорошая рыба. Полезная. Академик Сергей Николаевич, кстати, тоже рыбку любил.

— А еще бегал по утрам и плавал в бассейне, — неодобрительно сказал Михайленко. — И что? Сосудам, ребята, все равно, бегаешь ты или нет, рыбу ешь или пельмешки. Если на роду написано помереть от аневризмы, ничего не поможет.

Он сказал это между делом, с добродушной ухмылкой. Причем сморозил антинаучную чушь: сосудам не все равно, ешь ты рыбу или пельмени, бегаешь по утрам или коптишь легкие табаком. Давление, привычки, наследственность, состояние стенки — все имеет значение. Но Михайленко сейчас играл роль не ученого. Он изображал своего в доску добряка, который ляпнул глупость за бокалом вина.

Только ляпнул он ее слишком вовремя.

И я задумался: это была просто дежурная пошлость про судьбу или он заранее подводил к мысли, что моя смерть была естественной, неизбежной и вообще написанной где-то там, на роду?

— Абсолютно с вами согласен, Роман Александрович, — наконец сказал я. — От генетики, от того, что на роду написано, много что зависит в здоровье сосудов.

За столом стало тише на одну секунду. Ирина поправила цепочку-бретельку платья, съехавшую на плечо, а я, закрыв меню, посмотрел на Лысоткина.

— То есть, Сергей, ты сейчас хочешь оспорить результаты

многих исследований о пользе рыбы? — усмехнулся Лысоткин. — Или что ты хочешь сказать?

— Хочу сказать, что рыбка, которую любил академик Епиходов, была ни при чем, — сказал я. — Иногда человека губит не то, что он ест.

Лысоткин открыто, расслабленно улыбнулся и развел руками.

— Вот именно. В нашем деле все решает не еда, а компания. Пора тебе, Сергей, подумать, кто теперь будет твоим научным руководителем. Потому что Борька Терновский — дурак, это все знают, а на школе покойного академика... — он сделал паузу, хитро прищурившись, — знаешь ли, диссертацию у нас не защитишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.